

18+ Владимир Сназин

Доктор Постников

Лекарь Аптекарского приказа

Владимир Сназин

**Доктор Постников. Лекарь
Аптекарского приказа**

«Издательские решения»

Сназин В.

Доктор Постников. Лекарь Аптекарского приказа / В. Сназин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626090-0

Это первая книга трилогии о первом русском докторе, получившем диплом врача европейского образца. В истории Российского государства это первая книга о студентах допетровского времени. Какими они были, где и чему учились, читатель узнает, прочтя увлекательную историю о непростой судьбе Петра Постникова, сына дьяка Посольского приказа, который благодаря своему таланту и упорству, первым в средневековой России выучился на врача и блестяще сдал экзамен.

ISBN 978-5-00-626090-0

© Сназин В.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Предисловие автора	6
Глава первая. Пробуждение	8
Глава вторая. Первая кровь	13
Глава третья. Знакомство со щенками	18
Глава четвертая. Признание	22
Глава пятая. Ошибка	27
Глава шестая. Школа	29
Глава седьмая. Алхимист Шилов	36
Глава восьмая. Знакомство с Грегори	39
Глава девятая. Ученики-стрельцы	41
Глава десятая. Разбор	45
Глава одиннадцатая. Распределение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Доктор Постников
Лекарь Аптекарского приказа
Владимир Сназин**

© Владимир Сназин, 2024

ISBN 978-5-0062-6090-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Предисловие автора

Идея написать роман о первом русском докторе возникла у меня совершенно случайно. Один из моих пациентов, которого много лет мучили боли в пояснице, однажды спросил меня:

– Доктор, а нет ли в вашем арсенале рецепта какого-нибудь старинного лекарства, которое бы сразу избавило меня от болей в спине? Ведь наверняка лет триста назад, когда не было ни таблеток, ни физиотерапии, эту зловредную болезнь чем-то все-таки лечили? Были, наверное, какие-то кудесники – самоучки, которые избавляли народ от такой напасти. Может, древние доктора натирали больному поясницу какими-то особыми бальзамами или настоями, а потом загоняли его в баню?

Я сказал, что не знаю ни одного старинного рецепта, но пообещал посмотреть в своих медицинских справочниках и поискать в интернете.

В тот же вечер я пересмотрел все свои медицинские книги, благо их было не так много, и, ничего не найдя, ближе к ночи сел за компьютер. Задал в поисковике запрос: «Как и чем в Средневековье лечили радикулит» в надежде на то, что интернет сразу мне выдаст все рецепты прошлого о лечении этой болезни у наших пращуров. Однако экран пестрил современными рекомендациями: втирать в больное место вольтарен, индометацин, есть горстями таблетки и смазывать кожу разбавленным димексидом. На следующих страницах появилась информация о средневековых методах лечения одержимых нечистой силой и способах изгнания из их тела бесов, применяя шарлатанские снадобья и вешая на одержимого различные амулеты. А еще о том, как банщики-цирюльники без анестезии вправляли вывернутые пыткой суставы, и что от всех болезней самое лучшее средство – это кровопускание. Отдельно шла информация о лечении катаракты, где предлагалось ланцетом сделать разрез в роговице и пальцем выдавить мутный хрусталик в заднюю камеру...

При дальнейшем поиске я нашел единственную статью, в которой рассказывалось, как в древнем Египте лечили прострел – так назывался в старину радикулит. Просто натирали больное место чесноком и ждали выздоровления. Честно признаться, я был огорошен: две с половиной тысячи лет назад больное место натирали чесноком, а сегодня, в двадцать первом веке, в веке совершенной цивилизации больное место так же натирают, но только раствором по имени «Димексид» – жидкостью с запахом чеснока! И куда мы продвинулись?

Нажав кнопку дальше, я наткнулся на статью в Википедии, посвященную Евгению Францевичу Шмурло (1853—1934), одному из крупнейших историков России начала двадцатого века. Среди его книг по истории России оказалась книга, а скорее всего брошюра о каком-то русском докторе. Книга называлась «П. В. Постников. Несколько данных для его биографии», Юрьев, 1894 год. Я заинтересовался и нашел ее в интернете. Из его книги я узнал, что Петр Постников, жил во второй половине семнадцатого века и учился в Падуанском университете, став первым русским доктором, получившим европейский диплом.

Естественно, я не мог отказать себе в удовольствии узнать об этом докторе больше. Я забыл о радикулите своего пациента, и с головой погрузился в чтение.

Не буду читателя погружать во все тонкости этого произведения, скажу лишь одно: по информации Е. Шмурло, Петр Постников в 1692 году с подорожной за подписью царей Петра и Ивана в сопровождении Смоленского воеводы Ивана Головина был отправлен в город Падуя для изучения в тамошнем университете медицины. В книге было много подробностей о его учебе в университете, но как пишет сам автор, сведения о Постникове недостаточны:

«они обрывочны, не полны и порой не верны». Отсутствует информация, где и какое образование он получил на родине.

Просматривая в книге Е. Шмурло сноски, я вдруг обнаружил ссылки на другие источники, и в частности на работы ординарного профессора Варшавского университета Д. Цветаева и ординарного профессора Казанского университета Н. Загоскина. В их книгах: «Медики в Московской России и первый русский доктор» (Д. Цветаев, Варшава, 1896) и «Врачи и врачебное дело в старинной России» (Н. Загоскин. Казань, 1891) я нашел дополнительные сведения о Петре Постникове. Узнал, что он родился в Москве в 1666 году в семье дьяка Посольского приказа. Первое, начальное обучение он получил дома у приставленного к нему дядьки (холопа).

Но никаких данных о его дальнейшем образовании не было. И только в 1687 году фамилия Постникова появляется в списках Славяно-греко-латинской академии, которую в 1687 году в Заиконоспасском монастыре основали греки – братья Лихуды. Своих учеников они обучали только греческому языку, риторике и физике. Где и у кого изучал латинский язык Петр Постников, остается неизвестным, потому что до 1701 года церковь запрещала братьям Лихудам преподавать латынь в академии.

В одной из глав своей книги Д. Цветаев задается вопросом: как могло так случиться, что при отсутствии в тогдашней России системного образования Постников, проучившись в Падуанском университете всего два года, блестяще сдает экзамен и получает ученую степень доктора медицины и философии. И сам же дает ответ: «Постников – несомненно – еще до своего выезда за границу получил лучшее тогда в Москве научно-школьное образование, и подготовка потом из него доктора медицины и философии...».

Это может свидетельствовать только о том, что либо документация велась из рук вон плохо, либо многие архивные документы были уничтожены частыми московскими пожарами.

Я пересмотрел большое количество исторической литературы, в частности: письменные свидетельства иностранцев (записки, дневники, донесения, заметки и др.), составленные на основании собственных наблюдений, побывавших в те далекие времена в русских землях, но так и не нашел документального подтверждения получения Постниковым достаточного образования на родине для обучения в Европейском университете.

Поэтому, дорогой читатель, позволь мне в моей книге «Доктор Постников», по своему усмотрению восполнить пробелы в сведениях о его образовании до поступления в Падуанский университет.

Поскольку я сделал героем своего романа реальное историческое лицо, о котором до наших дней дошли весьма скудные сведения, но и тех, что дошли, достаточно, чтобы понять, насколько необыкновенно интересным был этот человек, то мне, естественно пришлось многое додумывать. При этом я старался художественный вымысел максимально приблизить к реалиям той эпохи, чтобы читатель получил по возможности достоверное представление о конкретном времени, и о людях, которые тогда жили, и – главное – о медицине того времени, и где и как будущие доктора ее изучали.

Удалось мне это или нет, судить вам. Итак, я начинаю свой рассказ.

Глава первая. Пробуждение

*Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы,
Читали ясно, без очков!..*

Ф. Тютчев

Покои Петра находились на втором этаже, как раз около лестницы, от которой его комнату отделяла не очень толстая дощатая стена. Обычно не частая ходьба прислуги на второй этаж не беспокоила крепкий сон Петра, чаще всего он сам просыпался до первых петухов. Но сегодня особенно сильный шум разбудил его. Он проснулся от того, что кто-то, сотрясая весь дом, с грохотом скатился вниз по лестнице. И тут же с улицы послышался низкий хрипловатый голос Глашки – дворовой девки.

– В баню давай неси, в баню! Нужно еще столько же! – кричала она кому-то, и было слышно, как ее лапти шлепали по талому снегу, удаляясь от дома.

«Господи, – не открывая глаз, подумал он, – солнце только встало, а они спозаранку грохают, визжат и орут на весь двор. Ну что там еще случилось, ведь маменька уже родила, чего орать-то», – и он натянул одеяло по самые глаза. За окном, кроме холопьего крика, раздавались переливчатые трели веселого дрозда, возвестившего о приходе весны, и глухой стук падающих капель от подтаявшего на крыше снега о бревна, лежащие под его окном. Солнце, пробившись сквозь толстую и мутную слюду окна, широкими расплывчатыми тенями играло на его веках.

Снова послышался зычный голос Глашки.

«Ну вот, опять заорала!» – прошептал Петр. Он выгнулся и потянулся всем телом, чуть выпростав ногу из-под одеяла, чтобы узнать холодно в комнате или нет. Кожа сразу покрылась мурашками. «Холодно», – подумал он, и втянул ногу под одеяло, съежился калачиком, и зарылся в длиннополую холщевую рубаху, в которой спал. Наконец солнечные блики так защекотали веки, что пришлось открыть глаза.

Спать больше не хотелось, но и вставать особого желания не было. Петр чувствовал себя свежим и отдохнувшим, он бы с удовольствием сейчас побегал наперегонки со своими сверстниками до Всесвятской церкви и обратно. Они всегда так делали, чтобы сбросить юношескую необузданную энергию. А если эта энергия еще оставалась, то, чуть отдохнув в переулках меж боярских дворов, играли в чехарду, после которой уже окончательно выдыхались, и ни на что другое сил уже не хватало.

Понежась еще некоторое время в постели, Петр откинул одеяло, опустил укутанные длинной рубахой ноги на пол и сел. Ежась от утренней прохлады, лениво потянулся, кулаками протер заспанные глаза, встал и привычным движением рук откинул со лба назад длинные рыжеватые кудри.

– Ой! – воскликнул он. – Что это? – И дотронулся рукой до лба. – Ого, шишка, да еще какая! И болючая.

Он снова сел на кровать и стал ощупывать больное место, пытаясь вспомнить, откуда эта шишка могла образоваться. Действительно, справа на лбу, прямо над глазом прощупывался болезненный волдырь. Петр осторожно погладил опухлость пальцами, потревоженный ушиб заныл. В памяти всплыл вчерашний день.

«Лошадь! – вспомнил он. – Ну да, я же вчера, когда бежал в школу, попал под лошадь. Но как же это меня угораздило?» Он снова с опаской потрогал больное место, и попытался вспомнить подробности.

Несколькими днями ранее высочайшей милостью царя Федора Алексеевича он, Петр Постников, пятнадцатилетний отрок, сын дьяка Посольского приказа, был поверстан в лекарскую школу Аптекарского приказа и уже вчера должен был предстать перед ее ректором. Петр не знал, в чем состояло тамошнее обучение, и на всякий случай собрал в свою ученическую сумку все те учебные принадлежности, которые всегда носил с собой, когда обучался на толмача при Посольском приказе в классе подьячего Солодухина, – деревянные церы, писалы, лопаточки, восковой кулек и другие предметы для письма.

Уже на выходе, в сенях, от пробегавшей мимо Глашки он узнал, что у его матушки Марфы Антуфьевны начались роды. Петр знал, что маменька на сносях, но не предполагал, что роды могут начаться вот так неожиданно. Перекинув сумку через плечо, он вышел на улицу и остановился у ворот, чтобы немного поиграть с двумя своими любимцами – огромными испанскими молоссами, охранявшими их усадьбу. Несмотря на внушительные размеры, мощную мускулатуру и железные челюсти, эти собаки с хозяевами вели себя как щенки. Стоило только Петру к ним подойти, оба пса, как по команде, опрокинулись на спину и стали лениво и неуклюже сучить лапами в воздухе. Петр трепал их огромные, с висячими брылами, бесформенные морды, а собаки от удовольствия гортанно урчали.

Неожиданно Петр услышал взволнованно-нетерпеливый голос отца, звавшего его. Он вернулся и поднялся в рабочую комнату родителя.

– Звал тятенька? – кланяясь в пояс, спросил он.

– Да, – ответил Василий Тимофеевич и рукой подозвал сына. – Ты, Петя, уже, наверное, знаешь, что у Марфы Антуфьевны, твоей матушки, начались роды?

– Да, Глашка мне сказала.

– Тут такое дело, Петруша... Ты ведь, знаком с Украинцевым Емельян Игнатичем, не так ли?

– Да, я видел его несколько раз в Посольском приказе.

– Меньше чем через час я с Емельян Игнатичем неотложно должен выехать в Левобережную Украину – по государственным делам... А тут, вишь, такое... – Василий Тимофеевич нервно сцепил пальцы рук и закусил нижнюю губу, отчего его широкая и ровная борода лопатой слегка поднялась кверху. Несколько мгновений он о чем-то судорожно думал.

– Вот что, Петя, беги сейчас перво-наперво в Посольский приказ, разыщи Емельян Игнатича – кланяйся ему обязательно три раза в ноги! Скажешь: так, мол, и так, Емельян Игнатич, мамка, мол, рожает, батюшка никак не может ее оставить... Как только все разрешится, скажи, я догоню его в дороге. Запомнил?

– Да, тятенька.

– Ну, беги с Богом! – И Василий Тимофеевич осенил крестным знаменем уходящего сына.

Петр спешно выскочил из ворот усадьбы на Евпловку и направился в сторону Лубянки. Солнце только взошло, и его косые лучи едва осветили купола ближайших церквей. Улица к этому времени уже наполнилась народом и повозками торговых людей, которые спешили на торг в Китай-город. Благовет, раздававшийся со всех домовых и городских колоколен, призывали верующих к заутрене.

Чтобы скорее исполнить поручение отца и не опоздать в школу, Петр решил пробежаться. Подхватив правой рукой полы своей суконной ферязи, а левой придерживая сумку, висевшую через плечо, он, со всей своей юношеской прыти, радуясь наступившей весне и ласковому солнышку, побежал, обгоняя повозки и пеший люд.

Он знал, что на Лубянской площади при въезде в Никольские и Ильинские ворота Китай-города, всегда была толчея. Приезжие купцы, торговцы с повозками и лоточники спешили быстрее пройти таможенных дозорщиков и въехать в Посад, чтобы первыми начать торговлю и ухватить утренний куш. Поэтому, чтобы не задерживаться в заторах, Петр пред-

полагал по Евпловке добежать до площади Варварских ворот, а от них по улице выйти к Спасским воротам Кремля, за которыми и располагался справа от колокольни Ивана Великого Посольский приказ. Он бежал, перепрыгивая через лужи, и старался не наступать на скользкие ледышки и оттаявшую землю.

Вдруг в его голове мелькнула озорная мысль: «А что если представить, что дорога – это шахматная доска, а повозки и люди на ней – фигуры».

Первый ход – пешкой. Петр собрался и... прыгнул. Хлоп – и вот твердый островок, не тронутый солнцем. «Есть!» – Петр от радости подпрыгнул и вскинул руки вверх, отчего полы его длинной ферязи упали в снежную кашу. Стряхнув с них налипшую грязь, он уже продумывал следующий ход. Судя по расположению ледяных островков на дороге, это должен быть ход конем. Юноша подобрал полы еще выше, глубоко вдохнул, присел, сжался в пружину и, оттолкнувшись от широкой льдинки, снова прыгнул.

«Прыг-скок, скок и в бок, раз, два! – сосчитал он, опускаясь опять на твердый участок. – «Отлично!» – похвалил он сам себя. Теперь Петр вознамерился пустить вход ферзя: – О, эта фигура в игре самая сильная! – Измерив приблизительно расстояние до следующего твердого островка, юноша подумал: – «Далеко. Не меньше двух сажень, – но решил: – Справлюсь!».

Он подобрал почти до подмышек свою ферязь и, плотно прижав локтями к животу сумку, разбежался и прыгнул...

Но провидению было угодно остановить прыткого юнца. Только он успел оттолкнуться от земли, как в следующее мгновение в слепящих лучах апрельского солнца заметил, как из соседнего проулка, прикрытого высоким дубовым тыном, вывернула на полном ходу одноколка, запряженная гнедым скакуном. Люди, оказавшиеся рядом, боясь быть раздавленными разгоряченной лошадей, шарахались от нее в стороны и прижимались к забору. Расстояние между Петром и скакуном быстро сокращалось. Столкновение было неминуемо. Но возница, заметив бегущего навстречу юношу, с силой натянул поводья и в последний момент поставил коня на дыбы. Конь как скала застыл в воздухе и в следующий миг неистово заржал, зафыркал и задрыгал передними копытами. Казалось, что вот-вот огромное животное опустит их на его голову. Но тут ноги Петра, едва коснувшись подтаявшей земли, заскользили, он потерял равновесие, ударился лбом о клещи хомута, упал на спину и закатился под коня. Из его глаз брызнули искры, солнце потускнело, небо перевернулось, и он, теряя сознание, провалился в бездну.

Сколько он находился в этом состоянии, Петр не помнил. Лиц тех, кто оказывал ему помощь, не видел. Он даже не знал, кто его привез домой и кто уложил в постель, но язык, на котором разговаривали рядом, несмотря на шум в ушах, запомнил – говорили по-немецки. Весь остаток дня и всю ночь Петр проспал, не шелохнувшись. И сон действительно полностью восстановил его силы – лишь шишка на лбу напоминала ему о вчерашнем происшествии.

«Вот оказывается, что со мной вчера произошло». Продолжая поглаживать ушиб, подумал Петр. Он встал, подошел к окну и выставил раму. Поток свежего воздуха наполнил комнату весенней прохладой. Больное место на лбу приятно холодило. Он несколько раз полной грудью вдохнул пахнущий талым снегом и весной апрельский воздух и выглянул в окно. Глашка по-прежнему, словно челнок, носилась по двору и раздавала указания Миколу. В ответ холоп беззлобно огрызался, но все-таки помогал заботливой девке.

Петр не обращал никакого внимания на перепалку батюшкиных холопов. Он как зачарованный смотрел на золотистые солнечные лучи, которые на ветвях раскидистого дуба, росшего в их саду, играли друг с другом в прятки, и улыбался. Насладившись прелестью весны и послушав пение птиц и, не вставляя раму в окно, спустился в сени.

Деревянным ковшиком он разбил тонкую корку льда в кадке, зачерпнул ледяную воду, вышел на крыльцо, сполоснул лицо и прополоскал рот. Затем поднялся на второй этаж, зашел

в крестовую комнату, опустился на колени перед образами, трижды перекрестился на иконостас и, отбивая поклоны, прочел молитву мытаря.

Когда он вернулся в свою комнату, у дверей его уже ожидал холоп Микола с хлопчатобумажным кафтаном в руках. Ферязь Петра, еще мокрая после вчерашней стирки, висела в сенях. Он вообще любил носить кафтан, особенно с удовольствием надевал его зимой вместо охабня. Кафтан, хоть и не такой теплый, был удобным, легким и не стеснял движений, а из-за своего серого цвета был практичным в носке.

Микола, здоровый, крепкий парень лет двадцати пяти, по рождению дворянин, остался без гроша после того, как его родитель промотал все нажитое имущество и, чтобы не подохнуть, по его собственному выражению, с голоду в какой-нибудь придорожной канаве, по жилой записи, за прокорм, продал себя дьяку Василию Постникову в пожизненные холопы. В доме Постниковых Микола появился, когда Петру было еще только семь годков. Хозяйский сынишка ему очень понравился, и он всем сердцем привязался к мальчику. Новый дядька во всем потакал малышу, везде брал его с собой. Однажды в Масленицу на пустыре за Китайгородской стеной проходили кулачные бои. Одним из участников этих боев был Микола, а так как он иногда на самой усадьбе обучал этому народному искусству маленького барчонка, то и решил взять его с собой – пусть, мол, малыш посмотрит, как выглядит настоящий кулачный бой. Конец боев был печальный. Микола ушел оттуда едва живой, но довольный, потому что его противника унесли с поля на руках. Но, когда об этом узнал Василий Тимофеевич, наказание было суровым и последовало незамедлительно. За то, что без разрешения водил хозяйского сына смотреть запрещенные царевым указом игрища и подверг ребенка опасности, холоп получил двадцать пять ударов батогами. Почти неделю Микола пластом пролежал в подклети. И все это время маленький Петр ухаживал за своим любимым наставником, прикладывая к разорванной ивовыми прутами спине разные травы, о которых ему говорил Микола.

– Будь здоров, Петруня, – приветствуя низким поклоном хозяйского сына, сказал Микола. – Как почивал?

– И ты будь здоров, Микола, – отвечал Петр добродушно, входя в горницу.

– Хвала тебе, добре спал. А что это Глашка с утра орет как резаная, случилось что?

– Да нет, – ухмыльнулся в кулак Микола, – торопила меня, чтоб я быстрее дров натаскал в баню да чтоб еще сеном матрас набил. Ну что с нее взять? Дура, она и есть дура. Чевотут делов-то. – Микола расправил кафтан, чтобы Петру было удобно его надевать. – Я уже все для твоей матушки заранее приготовил, а эта глупая баба простоволосая... – Эх! – махнул он рукой.

– Да, кстати, а что матушка? – перебил Миколу Петр, поправляя на плечах кафтан. – Как она себя чувствует?

– Бог милостив, – перекрестившись, ответил слуга. – Мальчонком наша боярыня разрешилась. Братик у тебя родился, Петруня.

– Что ты говоришь?! – восторженно воскликнул Петр. – Здоров ли братец-то?

– Бог милостив, – улыбаясь, повторил Микола. – Я сам не видал, но Глашка, стерва, рассказывает, добрый хлопец, все кричит, чего-то просит...

– А можно ли мне видеть его?

– Нет, никак нельзя. Повитуха никого пущать не велела, чтобы не случилось какой-либо прилипчивой хворобы.

– А долго ли еще матушке в бане находиться?

– Прасковья рассказывает, для полного очищения еще денек нужен, меньше никак нельзя.

– А тятя где?

– Боярин Василь Тимофеевич после разговора с немчурой, что тебя надьсы лошадью задавила, отбыл в Посольский приказ. Сказывал, чтобы ни к обеду, ни к ужину не ждали,

а чтобы ты, отрок, завтра, то есть, значит, сегодня, – уточнил Микола, – обязательно в лекарску школу шел.

– Хорошо Микола, – улыбнулся Петр, – я знаю.

Глава вторая. Первая кровь

Тяга к медицине у Петра появилась еще в раннем отрочестве, когда он впервые увидел, как из раны струится кровь. Это случилось как раз в день его рождения, в июне, тогда ему исполнилось только девять лет, и в тот же год батюшка определил его в школу при лютеранской церкви для обучения грамоте и немецкому языку. Микола ко дню именин решил сделать своему любимцу подарок – вырезать деревянного коня из толстого липового чурбана, который уже давно сох под навесом. День выдался солнечным и теплым. Микола пристроился на лавке в тени разлапистого дуба и стал обрабатывать чурбан топором, снимая с него лишнее. Вскоре, когда полено приобрело нужные очертания, он, положив его на колени, долотом придал ему более четкие контуры будущего коня, а затем ножом стал вырезать плавные линии и изгибы. Холоп ловкими привычными движениями снимал с податливого дерева тонкую, с прожилками, прозрачную стружку, которая мягко падала около его ног. Петр в это время сидел напротив на низком чурбане и играл со стружкой. Он горстями брал ее с земли и подбрасывал в воздух. Та, просвечиваясь солнечными лучами, янтарными кольцами плавно падала вниз, вызывая у Петра бурю восторга.

Когда Петр взял очередную горсть стружек, нож у Миколы за что-то зацепился, сорвался и, описав дугу, молниеносно вонзился в его левую руку, чуть ниже локтя. Струя алой крови фонтаном брызнула из раны. Слуга вскочил, зажал правой ладонью рану и стал озираться по сторонам, будто что-то ища. Малыш в этот момент собирал с земли очередную охапку стружек, но вдруг почувствовал, как что-то липкое брызнуло ему в лицо. Он уронил стружки и провел руками по лицу. С испугом в глазах Петр повернулся к дядьке и, показывая ему окровавленные ладони, дрожащим голосом сказал:

– Микола, смотри – кровь! – Его нижняя челюсть затряслась, на глаза навернулись слезы, но не скатились, а остались висеть на ресницах. Петр сухо, как будто закашлявшись, захныкал:

– Микола, откуда у меня кровь?

– Петруня, барчонок мой хороший, не бойся, это не твоя кровь. – Слуга нервно стал успокаивать мальчика. – Прости меня такого неловкого, это из моей дурацкой руки на тебя кровь брызнула. Вот дьявол, – продолжал сокрушаться Микола, – ну какой же я неуклюжий, видел же, что сучок торчит, так нет, потянул дальше, будто кто под руку толкнул, вот оно и сорвалось.

Удерживая правой рукой порез, он локтем пытался оттереть от крови щеки и шею мальчика.

– Уж ты прости меня, барчонок мой любимый, холопа твоего нерадивого. – И он прижал к себе локтем правой руки голову Петра.

– Хотел тебя порадовать к твоим именинам, – слуга кивнул в сторону валявшейся на земле недоделанной, залитой кровью деревянной игрушки, – а оно, вишь, как вышло, заместо коня сам себе руку срезал. Стало быть, криворук я стал. Да еще тебя всего кровью забрызгал, Господи, Матерь Божия, все исподнее твое испачкал. Эх, ма, – горестно вздохнул холоп.

– Микола, а покажи, где порез? – как-то слишком уж быстро успокоившись и проявляя детское любопытство, попросил Петр.

Слуга с удивлением взглянул на него, а потом с ноткой осторожности спросил:

– А не спужаешься?

– Нет, – уверенно ответил Петр, – я смелый! – Но на всякий случай отодвинулся.

– Ну, тогда смотри, – слуга чуть приподнял ладонь и показал рану, которая приобрела уже бордово-красный оттенок.

Как только давление на рану ослабло, срез сразу же набух, а его край задрожал, словно шкварка на сковороде, и из-под него выступило несколько пузырящихся капель крови. Петр сморщил лицо и отошел еще на шаг.

– Не бойсь, Петруня, подойди ближе. – Микола приподнял ладонь чуть выше. – Вишь какая?! – Края пореза затрепетали, а багровая кожа над ним набухла еще больше.

– Ой, – воскликнул Петр и отклонился в сторону, – какая страшная... и шевелится.

Микола опять закрыл рану ладонью.

– А как это у тебя получилось, Микола? Я даже не заметил.

– Да случайно! Сучок треклятый на крупе у коня попался, нож зацепился, а я сдуру возьми да дерни с силой нож, ну, с размаху и вонзил его себе в мясо. Вот так и получилось... Ну что, Петруня, страшно тебе?

– Нисколько не страшно, – осмелев, с задором ответил Петр и, увидев, что Микола рукой совсем закрыл рану, опять придвинулся ближе.

– А тебе больно? – с состраданием на лице спросил Петр.

– Пока нет, – прислушиваясь к ране, ответил слуга. – Потом заболит, – сказал он, очевидно, не первый раз испытывая на себе действие ножа.

– А что теперь надо делать?

– Теперь к дохтору надо бы, да где там. – Он махнул обеими руками. – Нету для нашего брата холопьева дохторов. Сам буду лечить.

– А как же ты, Микола, будешь сам лечить такую большую рану одной рукой, ведь ты же не доктор? – все больше распаляя свой интерес, спрашивал Петр.

– Знамо, что тяжело одной рукой-то. Да и то хорошо, что твою батюшки нонче дома нет, може, Бог даст, к ево приезду и заживет. А то, не приведи господи, осерчать может, кормилец-то. Как я одорукий-то в работе смогу что делать? А може, ты мне чуток подмогнешь, Петруня? – с надеждой в голосе спросил дядька и искоса посмотрел на Петра, как бы думая, не обидел ли он, холоп, своей просьбой хозяйского сына. Но тот с готовностью ответил:

– Конечно, помогу, Микола, только ты скажи, что надо делать.

– Спасибо тебе, Петруня, на добром слове, – и глаза холопа увлажнились. – Вот что, в сарае в правом углу за сундуком лежат четыре жерди, обмотанные холщовой тряпкой и связанные пенькой. Сними с жердей тряпку и пеньку и принеси их сюда.

– Что, жерди?

– Да нет, – улыбнулся Микола, – тряпицу с веревкой. – Но перед этим пойдти в дальний угол сада, там вдоль забора растет большая высокая трава, называется – репей... Знаешь такую траву? На ней еще колючки серо-лиловые растут.

– Нет, Микола, не знаю, – ответил Петр и сразу почему-то забоялся, что слуга раздумает давать ему это поручение и пойдет сам искать траву. Тогда он не будет знать, как она выглядит и зачем ему нужна. Любопытство одолевало Петра, и он был готов выполнить любое поручение своего дядьки.

– Я найду, Микола, ты мне только Расскажи, где она растет и как ее найти.

– Растет она, Петруня, у самого забора, в тени, – сказал слуга. – А узнаешь ты ее по колючкам, которых на ней очень много...

– Так это та трава, которая все время цепляется к портам и ферязи?

– Ну да, она самая, – обрадованно подтвердил Микола.

– А зачем она тебе? Она такая колючая.

– Она очень хорошо лечит. Ею еще мои пращуры лечили хворобы и различные увечья. Сорви лист и вместе с тряпицей и веревкой принеси сюда. Сделаешь?

– Да, Микола, я все сделаю.

При этом слуга вопросительно посмотрел на него, пытаясь убедиться, что Петр это будет делать без принуждения, и спросил:

– А тебе точно это не трудно?

– Совсем не трудно, – радостно ответил мальчик, готовый уже сорваться и бежать выполнять поручение. – Я рад помочь тебе.

– Только батюшке Василь Тимофеичу не говори, не выдавай меня, жалостливо попросил Микола.

– О чем не говорить?

– Ну, что я руку порезал, тебя просил мне помочь и что я тебя и твою исподнюю рубаху с портами кровью забрызгал. Уж больно скор на руку твой родитель. Не дай Бог узнает, разбираться не станет, уж его плеть тут как тут – по моей спине загуляет, словно ветер. Господи, обереги мя грешного от несправедного гнева хозяйского! – прошептал Микола.

Он сильнее придавил рукой рану и левой рукой совершил крестное знамение.

– Не бойся, Микола, я ничего тятеньке не скажу. – Петр прижал свою голову с золотистыми кудрями к груди холопа. – Я люблю тебя, Микола, ты хороший.

– И я тебя очень люблю, мой маленький барчонок. – И он неловко поцеловал Петра в темя.

Как и предполагал Микола, Петр достаточно легко нашел широколистный репей. Он сорвал самый нижний и самый широкий лист. Осмотрел его, надломил черешок и попытался выдавить из него сок. Но на надломленном кончике образовалась только влага, а никакого сока не оказалось. Боясь, что одного листа для лечения такого сильного пореза может не хватить, Петр сорвал еще один, и такой же большой. Сложив листы вместе, он свернул их трубочкой и пошел в сарай. Там, сняв с жердей тряпку, завернул в нее веревку оба листа и принес под навес Миколу.

– Вот, я все сделал. Теперь показывай, как ты будешь лечить свою руку.

– Подожди, еще надо листы помыть.

– Принести воды? – спросил Петр и был готов уже бежать исполнять новое поручение.

– Нет, не водой, Петруня. В подклети в плетеной из бересты корзине на дне лежит глиняная кубышка, плотно закрытая пробкой, а над ней на полке стоит плошка. Возьми их и тоже принеси сюда.

Петр со всех ног помчался в подклеть. Если Микола переживал и опасался, как бы хозяева не узнали, что дворовому холопу прислуживает хозяйский отпрыск, за что ему грозило очень серьезное наказание вплоть до бития кнутом, то для Петра это событие было настоящим приключением. Его раздирало любопытство, как простой холоп будет сам себя лечить.

Сбежав в подклеть, Петр принес и поставил на стол плошку и пузатый, чуть меньше крынки, глиняный сосуд с очень узким горлом.

– Это? – спросил Петр, радостно посмотрев на своего дядьку.

– Спасибо, малыш, – ласково сказал Микола. – Теперь разложи все это на столе, как будто ты лекарь и сейчас будешь меня лечить.

Глаза Петра загорелись, ему вдруг захотелось быть лекарем, но он не знал, что это такое.

– Микола, а что лекарь должен делать? – по-детски наивно спросил Петр.

– Сначала ты должен все приготовить. Возьми плошку и налей в нее спиртовую растирку из кубышки, только аккуратнo, не пролей, – предупредил Микола.

Петр двумя руками взял кубышку, наклонил над плошкой и медленно тонкой струйкой налил в нее немного темно-коричневой жидкости.

– Нет, нет, мало, лей еще... Стоп! – остановил Петра Микола. – Молодец. Этого достаточно. Теперь смочи в растирке тряпицу, отожми ее. Да не над столом... над плошкой. Эка, какой ты неловкий... Жалко растирку-то, со стола ее уже не соберешь. Вона, сколько в щельто ушло... Ну да ладно, – слуга безнадежно махнул руками. – А теперь, Петруня, расправь тряпицу и расстели ее на столе – ровнее, разгладь края... Так, хорошо. Возьми листы, окуни

их в растирку, теперь положи один на один на тряпицу. Нет, не на середину, ближе к краю. Еще ближе, так, молодец. Ну вот, теперь повязка готова.

– А дальше что, Микола? – возбужденно спросил Петр.

– Теперь важно правильно положить повязку на рану. Бери ее за края двумя руками... Нет, Петруня, не так, не сминай ее в ладонях... Расправь, растяни по краям. Вот так... Приготовься – как только я уберу свою руку с пореза, ты сразу прикладывай ее к ране. Понял?

– Да, понял, – сказал Петр, но голос его прозвучал как-то неуверенно, а руки начали слегка дрожать.

– Ну что, готов? – спросил Микола и хотел уже отнять руку от пореза. – Ты повязку-то, повязку, поднеси ближе к руке, – наставительно сказал холоп, но видя, что Петр замер и не шевелится, сам наклонился к нему со словами: – Ну, Петруня, теперь давай, клади повязку.

Пётр заметил, как багровая рана стала быстро пухнуть, срезанный край плоти затрепыхался, а под ним несколько раз булькнули темно-красные пузыри. Петр испугался и чуть отшатнулся. Глаза его от страха расширились, а руки ослабли и вместе с повязкой стали медленно опускаться вниз. Микола в ужасе увидел, что рана уже набухла и вот-вот прорвется, а повязка, которую держал Петр, вот-вот упадет на землю.

– Клади повязку на рану! – почти закричал слуга, отчего Петр вздрогнул и посмотрел на холопа.

– Петруня, скорее, ну! Сейчас кровь брызнет! – Он правой рукой снизу подхватил тряпку и с размаху придавил надувшийся и уже готовый прорваться кровавой струей пузырь.

– Что с тобой случилось, отрок? – успокоившись и прилаживая тряпицу на руке, спросил Микола. – Чего ты замер как камень? Никак спужался? Страшно стало?

– Нет, мне не было страшно... Не знаю... – растерянно отвечал ребенок. – Просто показалось, что там что-то шевелится...

– Это кровь в ране забурлила, наружу просилась. Ну, а щас не страшно?

– Нет, – ответил мальчик и, стыдливо нахмутив лоб, отвернулся в сторону.

– Вот и хорошо, тогда возьми вот эту веревку и обмотай вокруг повязки. Только крепко... еще крепче, не бойся, вот так, хорошо, молодец. А теперь держи один конец.

Петр зажал в своем маленьком кулачке конец веревки, на другом конце Микола пальцами свободной руки сделал петлю, вставил в нее конец веревки, который держал Петр, и крепко затянул.

– Ну вот, мой маленький лекарь, ты мне помог, а Господь, надеюсь, меня излечит. – И Микола опустил руку вниз, как бы показывая Петру, что кровь из раны больше не течет. Но через короткое время он почувствовал невыносимую пульсирующую боль и был вынужден тут же поднять руку вверх, чтобы унять эту боль.

Так Петр в свои девять лет впервые увидел настоящую рану, из которой фонтаном била кровь, и то, как эту рану его наставник самостоятельно лечил и, судя по всему, ему все это понравилось. Однако следующий его опыт был не столь удачным.

Однажды из окна своей комнаты он наблюдал, как одна из их дворовых собак гонялась по саду за двумя белками, которые весело прыгали с ветки на ветку, соскакивали на землю, а пробегая по земле, прятались в траве или под листвой. Пес как сумасшедший носился по саду и, рыча, разгребал своими мощными лапами и мордой землю вместе с прошлогодней листвой. Быстроногие белки ловко увертывались от неуклюжих движений сильного, огромного, но неповоротливого животного. Неожиданно пес с визгом выскочил из зарослей на трех лапах, поджимая переднюю. Мальчуган увидел, что его любимец оставляет на земле за собой кровавый след. Он понял, что собака в траве обо что-то поранила лапу. Ему тут же припомнился случай с Миколой, и он решил прийти на помощь своему любимцу – вылечить его, используя для этого недавно приобретенный опыт. Приготовив все необходимое для перевязки, как когда-то он это делал для слуги, Петр подошел к будке, и заглянул внутрь. Собака лежала и сосредото-

ченно вылизывала пораненную лапу. Мальчик наклонился и, захватив руками шкуру на холке кобеля, потянул его на себя. Пес соскочил на ребенка глаза и предупредительно ощерился. Но малыш не обращал внимания на недовольство животного и продолжал тащить его наружу. Тот, рыча и не сильно сопротивляясь, неохотно выполз из будки. Мальчик подвел все еще упирившегося кобеля под навес, усадил его перед столом и, помня, как это делал Микола, с размаху приложил смоченный в растирке лист лопуха к поврежденной лапе и хотел тут же веревкой его привязать. Но как только растирка попала на рану, пес взвизгнул от нестерпимой боли, осканился, вырвался из рук мальчика, опрокинув на землю все, что лежало на столе, и хромя помчался опять в свою будку. Вторая попытка вытащить собаку из укрытия Петру не удалась, потому что пес был обозлен не на шутку. Хоть второй опыт лечения оказался не столь удачным, как первый, тем не менее это еще больше укрепило внутреннее желание Петра узнать, что такое лекарское дело.

Больше настоящих ран и повреждений Петру встречать не приходилось. И он всю свою «медицинскую практику» перенес на игрушки, которые с удовольствием для него делал Микола. Мальчик брал молоток, ломал глиняному медведю или какой-нибудь деревянной птице ноги, слом соединял медом, накладывал репейный лист и перевязывал. А иной раз, поймав крупного, похожего на чернослив таракана, отрывал ему лапу, а то и две, и начинал лечить, приклеивая оторванную конечность опять же медом. Но истинное желание учиться лекарскому искусству возникло у Петра спустя несколько лет, когда по воле случая он познакомился со щенками-метисами из меделянской породы, которых потом пытался лечить. А знакомство с ними можно было назвать фантастическим...

Глава третья. Знакомство со щенками

В России традиционно было принято, что дети наследуют профессию родителя. К тому времени, когда Петр окончил начальный курс обучения в приходской лютеранской школе, ему исполнилось двенадцать лет, и Василий Тимофеевич определил сына в класс старшего подьячего – Осипа Солодухина при Посольском приказе, в котором детей служащих приказа готовили к переводческой службе в этом же ведомстве. Там школяры с утра и до обеда изучали латинский и немецкий языки, а после обеденного перерыва и до захода солнца бездельно выполняли работу переписчиков, оттачивая почерк, а ученики уже знающие иноземные языки – переводили рукописные и печатные европейские книги на русский.

Необыкновенный случай, после которого Петр окончательно убедился, что хочет стать лекарем, произошел с ним в начале марта, в последнюю седмицу перед Великим постом и за месяц перед поступлением в лекарскую школу Аптекарского приказа.

Шел десятый час дня. Мартовское солнце клонилось к закату. Колокольный звон только что возвестил о скором начале вечерни, и народ спешно покидал торжище на Красной площади, торопясь в церкви. Обыкновенно Петр после занятий в классе у Солодухина возвращался домой на обеденный отдых по Никольской улице. Ему нравилась эта красивая улица, с резными фасадами боярских хором и богатых монастырей, полностью вымощенная бревном от Алевизова моста Никольской башни до Никольских ворот Китай-города. Проходя по ней, он иногда останавливался около иконных рядов, расположенных напротив Заиконоспасского монастыря, и подолгу рассматривал иконостасы, парсуны, иконы, которых в этих рядах было огромное множество. А когда оказывался у ларя с книгами, то часами стоял и листал толстые иноземные фолианты в кожаных переплетах и с медными застежками, рассматривая изображенные на их полях различные замысловатые орнаменты.

Но в тот день Петр почему-то изменил маршрут и решил пойти по Варварке. Он вышел из Спасских ворот, обогнул собор Покрова на Рву, или, как его называли в народе, храм Василия Блаженного, и направился к церкви святой Варвары, в которой уже началась служба. Торг на Красной площади к этому времени закончился: палатки закрылись, купцы и лоточники разошлись. Среди торговых рядов остались немногочисленные прохожие, а также нищие, калеки и бездомные, которых стрелецкая полиция выдавливала с площади в ближайшие проулки, выставляя рогатки и караульных на проходных улицах. Со стороны Зарядья, откуда-то снизу, слышался истошный собачий лай. Юноша обогнул церковь и вышел на край склона. Внизу, недалеко от мытной избы, на пустыре, он увидел свору, не меньше десятка собак, дерущихся между собой за какую-то добычу. Вздрыбленный от их возни снег серебром искрился в лучах заходящего солнца. Петр некоторое время с интересом наблюдал за ними, затем, обернувшись к церкви, трижды с поклоном перекрестился и пошел по пустынной Варварке в сторону Знаменского монастыря, чтобы потом через Лубянку быстро дойти до дома. Однако, сделав несколько шагов, он боковым зрением увидел, что собаки перестали грызться. Затем одна из собак, значительно крупнее других, по виду вожак, отделилась от остальных и стала медленно подниматься по склону в его сторону. Стая также вознамерилась последовать за вожаком, но тот обернулся и издал предупреждающий глухой рык, который протяжным эхом отозвался в морозном воздухе Зарядья, заставив Петра остановиться. Собаки, рассыпавшись веером, легли на снег и стали выгрызать из лап замерзший лед. Петр оглянулся. Улица уже опустела, вокруг никого не было. Лишь в отдалении несколько сторбленных фигур, опираясь на палки, покидали торговую площадь.

Петр не боялся собак, потому что знал, что тот дух, которым он пропитался от своих любимцев, – испанских малоссов, должен был наводить страх не только на отдельного пса, но на целую свору. Однако внушительные размеры вожака насторожили юношу. А когда тот

с невероятной легкостью в несколько прыжков покрыл разделявшее их расстояние и остановился в двух сажнях от него, уверенность Петра сменилась неподдельным страхом. Уперев свои мощные лапы в землю пес, не мигая смотрел на Петра и, вытянув шею в его сторону, шумно втягивал всей грудью воздух, как бы определяя тот ли это человек, который ему нужен. У юноши бешено забилось сердце, а вдоль спины волной пробежала судорога. От страха его затылок покрылся испариной, а на лбу выступило несколько капель пота. Он поднял свою ученическую сумку и, загородившись ею, зажмурился, ожидая нападения. Секунда, две – нападения не последовало. Петр заставил себя приоткрыть глаза и посмотреть на сидящего против него пса.

Это оказалась коренастая, с широкой крепкой грудью и толстыми мускулистыми лапами сука. Ее огромная угловатая морда с черной пастью, свисающими брылами и мощными челюстями напомнила Петру меделянского мордаша, которого он однажды видел у дьяка Посольского приказа. Эту породу использовали при травле и охоте на медведей. Отдельные особи легко и в одиночку справляются с крупным кабаном. Собака пристально смотрела на Петра, но агрессии не проявляла. Приглядевшись, Петр заметил, что вместо крапчатого окраса и жесткой короткой шерсти, как у истинных мордашей, она имела длинную черно-бурую шерсть, а ее пасть выступала вперед, как у пастушьих пород. Эти отличия подсказали Петру, что это метис. А обвисшее брюхо, покрытое репейной колючкой, говорило о том, что она недавно выкармливала щенков. Но эти открытия не успокоили его. Он по-прежнему неподвижно стоял и в страхе ожидал атаки. Он не знал и не понимал, почему пес своей мишенью выбрал его. Ведь совсем недавно мимо проходило множество разного люда, но собака как будто специально ждала появления Петра. Он вдруг вспомнил, что, подходя к склону, заметил: что именно эта собака не участвовала в общей грызне за добычу, а равнодушно наблюдала за ней со стороны. И как только он появился в поле ее зрения, направилась к нему.

Петр как завороченный смотрел на пса и не шевелился. Наконец зверь обмяк, задрал к небу свою большую тяжелую морду и, широко открыв пасть, изрыгнул из себя горловой рык такой силы, что у Петра спазмой свело живот. «Ой!» – едва слышно простонал он, как будто уже почувствовал невыносимую боль. Он поднял сумку к лицу и снова сжался в комок... Это мгновение показалось ему вечностью. Ему захотелось закричать и позвать на помощь, но горло свела судорога. Вдруг он услышал хриплое дыхание и шорох на снегу. Медленно опустив сумку и приоткрыв глаза, он увидел, что собака, не спуская с него зеленовато-серых глаз, медленно, на полусогнутых лапах ползет к нему по снегу. Приблизившись, она подняла голову, открыла пасть и плотно захватила крепкими желтыми зубами рукав ферязи, отчего по рукаву на кисть протянулась густая и липкая пенисто-желтая нить слюны. Потянув Петра за рукав, так что ему даже пришлось наклониться, она расцепила зубы, повернулась в сторону Зарядья и стала медленно спускаться к задворкам в направлении Мокринского переуллка, иногда останавливаясь, оглядываясь на него и как бы говоря: «Ты идешь? Смотри не отставай!» Остальная свора так же снялась с места и лениво последовала за ними, держась в отдалении. Увязая в подтаявшем и побуревшем от собачьего помета снегу, Петр по склону, между покосившихся сараев и ветхих лачуг, спустился до Мокринского переуллка, в самом начале которого стоял храм Николы Мокрого Чудотворца. Улица была пустынной, лишь двое священнослужителей в рясах стояли перед папертью и о чем-то тихо разговаривали. Из церкви доносилось хоровое песнопение. Стая, почувствовав запах своего лежбища, обогнала вожака, обогнула колакольную справа от храма, и взбежала по склону к частоколу Знаменского монастыря, где полукругом распределилась на снегу. У самого забора среди всякой рухляди, дров, сена и мусора были прорыты собачьи норы. Одна, крайняя слева, по размеру превосходила остальные в несколько раз. Именно к этой норе и привела собака Петра. Она подошла к лазу, села сбоку от него и, задрав голову к небу, издала громкий гортанный звук, после чего пристально посмотрела на Петра. Он понял: она хочет, чтобы он вошел в нору. Вход в логово был достаточно широк,

чтобы среднего роста человек, наклонившись, мог войти внутрь. Петр медленно огляделся – перед ним возвышался высокий забор, подход к которому преграждали кучи выброшенного из монастыря мусора и полусгнившие дорожные бревна; справа и сзади свора, а слева – беспощадный зверь, не сводивший с него пронзительного взгляда. Петр наклонился и сунул голову в проем. Внутри было темно. В нос ударил густой, сладковато-терпкий запах, от которого его сразу затошнило, а глаза заслезились. Приложив рукав ферязи к носу, он наклонился и стал медленно продвигаться вперед.

Страшная собака, ткнув его своей огромной головой, вошла за ним следом, и растворилась в темноте. Петр огляделся, пытаясь определить, где находится собака. Но в пещере было настолько темно, что он не смог разглядеть даже собственные вытянутые руки. Он зажмурил глаза, чтобы они привыкли к темноте, – так он всегда делал, когда без свечи спускался в подклеть у себя в доме. А когда он стал что-то различать, заметил, что пещера имела дощатый пол и стены и больше походила на рукотворный сарай, который собака приспособила под свое логово. Пол, как показалось Петру, был выстлан слежавшейся соломой: она была влажная и чавкала под ногами. Он обвел пещеру взглядом, и она показалась ему достаточно просторной – в ней можно было если не выпрямиться, то находиться в полусогнутом положении. В дальнем углу он заметил очертания собаки, которая, как каменное изваяние, сидела на фоне черных стен, и наблюдала за ним.

«Зачем она меня сюда притащила? – мысленно задавал себе вопрос Петр, продолжая оглядывать собачье пристанище. «Что она задумала?» И едва в его голове промелькнул этот вопрос, как где-то слева от себя он услышал жалобное попискивание. Он сделал шаг в ту сторону и посмотрел вниз. В этот самый момент бледный луч заходящего солнца на мгновение мелькнул в пещере и высветил место, откуда раздался писк. На куче протухшего сена он увидел двух крупных лохматых щенков, которые лежали на спине и тянули свои косматые морды вверх. Он присел, чтобы лучше их рассмотреть, но сразу почувствовал над своим правым ухом горячее хриплое дыхание. Петр замер и медленно повернул голову. Около своего лица увидел два огромных, светящихся зеленоватым светом зрачка. «О, ужас!» – подумал он и отшатнулся. Придя в себя, он с оглядкой на зверя медленно наклонился, чтобы разглядеть щенков, и сразу понял источник смрада. У обоих щенков задние лапы были разодраны, а оголенные в некоторых местах кости – сломаны. При слабо проникающем через лаз свете Петр заметил в глубоких ранах шевелящихся червей. Его затошнило, у него вновь возникло желание выскочить и убежать, но он понимал, что это невозможно. «Так вот зачем она меня сюда затащила. Эти щенки – ее дети! Она хочет, чтобы я им помог. И пока я что-нибудь не сделаю для них, она меня отсюда не выпустит. Но что я могу? Что нужно сделать?» Петр начал думать, но в голову ничего не шло, присутствие реальной опасности смешивало все мысли. Щенки, почувствовав его присутствие, сильнее заскулили, и еще активнее стали дрыгать передними лапами. Петр понимал: рано или поздно собака увидит, что он ничего не делает, и что тогда будет? Его глаза уже привыкли к темноте, и теперь он отчетливо видел, как черви, ползая в гнилой плоти, жадно пожирают ее. А щенки, когда боль становится невыносимой, еще сильнее скулят и дергают сломанными лапами. Их мать тоскливо подвывала. Несмотря на высокую влажность в пещере, где, казалось, должно было бы быть тепло, Петра бил озноб, больше, конечно, не от холода, а от страха. Вдруг в голове молнией пронеслось слово «клопы». В то время во всех спальнях покоях всех сословий, включая и царские, клопов, как и тараканов, водилось несметное количество. От них страдали все, за исключением, может быть, крепостных крестьян, которые либо от нечувствительности, либо от усталости спали как мертвые, не реагируя на укусы насекомых. Петр вспомнил о них, потому что сам часто страдал от этих паразитов и чесался. И только раздавив всех видимых клопов на простыне, одеяле и стене, уже спокойно засыпал до рассвета. «Вот что надо сделать, – подумал он. – Этих червей надо раздавить! Тогда боль уймется и щенки успокоятся, а их раны начнут заживать. Да, но как я их в ране раздавлю? Это же

не клоп, которого зажал между ногтями – хрусть, и готово. Этих червей к кости не прижмешь, чуть больно щенкам сделаешь – мамаша рядом, сразу голову откусит». Петр задумался.

«А что если их оттуда выковырять и пальцами раздавить? Противно, конечно, но быть разорванным огромным псом – еще хуже». Он склонился над щенками и, протянув руку, попытался пальцами вытащить хоть одного червя из раны. Червь оказался упругим и скользким. Петр ногтями все-таки зацепил за хвост одного и попытался раздавить. Но червь выпустил из заднего отверстия каплю тягучей, с едким запахом жидкости, обвился вокруг пальца и, выскользнув, снова упал в рану и скрылся в толще податливой плоти. Петр брезгливо посмотрел на свои липкие пальцы и обмыл их в талом снеге. «Нет, так я их оттуда не выловлю, надо придумать что-то другое!» Он присел на корточки перед щенками и с опаской стал теребить их лохматые головы, ища решение трудной задачи. Он потрогал рукава своей ферязи: «Вот чем можно их оттуда убрать!» Снял ферязь, наступил на нее и оторвал один рукав. Скомкав его, он начал пробовать выковырять им червей из раны. Потер по ране раз, потер другой, но, когда щенок жалобно заскулил, из угла послышалось угрожающее рычание, а через мгновение его ухо обдало горячее дыхание мамаша. Петр похолодел, выронил скомканную ткань и как был на четвереньках замер. Когда собака успокоилась и отступила назад, Петр снова поднял рукав. Ткань была мокрая и с нее стекала вода. «А что если в рану накапать талой воды?» – И он, высунув наружу руку, взял горсть мокрого снега и, сжимая его, тонкой струйкой накапал на рану одному из щенков. В ране образовалась небольшая лужица. Петр взял рукав и осторожно промокнул ее. Несколько червей прилипли к ткани. В другой раз он положил на рану большую горсть снега. Тот быстро растаял, и Петр мокрым рукавом вычерпал из раны всех червей без остатка. Такую же процедуру он проделал с другим щенком. Видно было, что щенки по мере удаления червей, становились спокойнее и больше не дергали лапами. Под конец он порвал оба рукава своей ферязи на ленты и, как в свое время учил его Микола, обмотал щенкам лапы. От этого им стало гораздо легче, и теперь они уже рычали не от боли, а от радости, что не замедлила подтвердить их мамаша, которая, тоже гортанно проявив радость, два раза лизнула сначала руку Петра, потом щеку. С тех пор он часто навещал своих питомцев в пещере, подкармливал их и как умел, перевязывал.

Глава четвертая. Признание

Каждый день перед школой Петр посещал Зелейный ряд, надеясь купить лекарство, которое помогло бы окончательно изгнать червей из ран и заживить их. Это дело оказалось не простым. Церковь в те времена всех собак считала нечистыми, дьявольскими животными, заслуживавшими презрения. Любая забота о них осуждалась, а в некоторых случаях и преследовалась. Даже сторожевая собака использовалась как необходимость – только для охраны хозяйского жилья. В дневное время такая собака сидела на длинной цепи и находилась в будке, ночью же снималась с цепи и свободно перемещалась по всей усадебной территории. Если случалось, что она таки забегала в дом, а тем паче в храм, то оскверненный дом или храм подвергались повторному освящению, виновные же, допустившие такое, сурово наказывались. «Там, где побывала собака, оттуда уходит Божья благодать!» – так предостерегали священнослужители свою паству. Поэтому Петр, ища лекарства в Зелейном ряду, на вопрос: «Для какого лечения ищешь снадобье?» – не признавался, что ищет его для щенков, а отвечал: «Для изгнания червей из организма».

Ему советовали брать рябину из суздальского села Нежежино. Самое лучшее средство для изгнания червей. А когда объясняли, как готовить лекарство из нежежинской рябины, то оказывалось, что это средство для прогона глистов.

Однажды в Посольском приказе подъячий, под началом которого Петр выполнял работу переписчика, поручил ему переписать совсем уже не пригодную к чтению, растрепанную небольшую рукописную книжицу, называемую «Повесть о Петре и Февронии». В ней рассказывалось, как змей, убитый князем Петром, умирая, обрызгал его своей кровью и заразил неизлечимой болезнью, от которой тот очень сильно страдал. Но простая крестьянская девушка Феврония – дочь древолаза, собирателя дикого меда, используя обыкновенную закваску, прокипяченную на меду, быстро избавила князя от страшного недуга. Петр, герой нашего рассказа, сразу загорелся желанием приготовить такое же снадобье и попробовать его действие на своих увечных щенках. А еще ему вдруг вспомнились уличные калеки, раненые солдаты и просто больные, которые денно и ночью обитали на папертях и окрест церквей, и которых он встречал почти каждый день. Облепив ступени паперти, эти убогие люди просили подаяния, а чтобы разжалобить прихожан или просто проходящих мимо людей, показывали им свои гнилые, облепленные струпьями обрубки и кровоточащие язвы. Петр удивлялся: если есть такое чудодейственное лекарство, как закваска, прокипяченная на меду, то почему этих несчастных никто не лечит. Тем более что закваски не только у них в доме, но и в каждой богатой усадьбе хоть ведрами носи. Петр прочитал повесть несколько раз, но нигде рецепта той мази, которую использовала Феврония, не нашел.

Уже дома, зайдя к отцу в рабочую комнату, он рассказал ему о книге и спросил, как такое может быть, чтобы обычная крестьянка сумела вылечить князя простой закваской на меду и баней. А больных и калек, которых на улице несметное количество, никто не лечит. Василий Тимофеевич, несмотря на свою образованность, этой книги, видимо, не читал и истолковал исцеление князя как воздействие на болезнь колдовских чар Февронии. На что Петр возразил: если бы Феврония была ведунья и применяла свои колдовские чары, то князь не женился бы на ней, а сжег бы в срубе, как и положено сжигать всех колдунов. С убедительным доводом сына старший Постников согласился и высказал другое предположение: что Феврония в лечении князя использовала обыкновенное знахарство, которое на Руси практиковалось повсеместно. Знахарство не связано с нечистой силой, знахари лечат травами, а травы от Бога. Поэтому, по мнению Василия Тимофеевича, Феврония в закваску с медом добавила какую-то лечебную траву, о которой в книге забыли написать.

– Вон, доктора-иноземцы, что в Немецкой слободе живут, они на своих аптекарских огородах, что за Мясницкими воротами разбиты – кстати, недалеко от нас, – каких только лечебных трав не выращивают. А в аптеке лекарства из этих трав как называются? – Пластыри, мази, капли, примочки да еще бог знает как. О травах же, из которых они сделаны, на склянке нет ни слова. Ты вот говоришь московские калеки... А кто по-твоему должен их лечить? Да неужто царь-батюшка об них должен озаботится? Нет, – с протяжкой сказал старший Постников, – сами, голубы, должны о себе подумать. Пусть идут и собирают нужные травы, делают настойки, готовят различные примочки и сами же себя исцеляют.

Петру тут же припомнился случай с Миколой...

– А если они не знают лечебных трав и не умеют готовить снадобье? – робко спросил он.

– Пусть чаще молятся и взывают к Господу. Господь милостив, глядишь, и ниспошлет убогому своею благодать. Кстати, Петя, – подозрительно взглянув на сына, проговорил Василий Тимофеевич, – скажи, почему тебя так заинтересовала какая-то Феврония, избавившая князя от какой-то хворобы, да еще калеки на паперти, о которых нужно позаботиться... Подозрительно это все. Что ты задумал, сын?

Петр засмутился под пристальным взглядом отца и, собравшись с духом, рассказал ему... о щенках.

– А-х вот оно что! – воскликнул Василий Тимофеевич и улыбнулся. – Так тебя, я вижу, не столько сами щенки заботят, сколько лекарское дело увлекло – сказал он и еще раз вопросительно посмотрел на сына. Петр засмутился и виновато опустил глаза. – И давно ты медициной интересуешься?

– Давно тятенька. Со дня, как Микола себе руку поранил.

– И когда же это было? – спросил старший Постников, нахмутив брови.

– На мои девятые именины. Он для меня в этот день коня из чурбана вырезал.

– А почему ты мне тогда об этом не сказал?

– Опасался твоего гнева.

– За что? – удивленно спросил отец.

– За то, что я помогал Миколу перевязывать рану.

– Что?! – вскричал Василий Тимофеевич и вскочил со стула. – Сын дьяка прислуживал своему холопу! Да где это видано...

– Но ты же не будешь нас за это наказывать, тятенька? Микола один бы не справился, очень глубоко порезал руку.

– Ну, хорошо, – смягчился старший Постников, – поведай мне эту историю.

И Петр рассказал отцу о происшествии шестилетней давности, когда он первый раз увидел настоящую кровь, как сам вызвался помогать Миколу перевязывать рану и выполнять все указания холопа. И только страх вызвать родительский гнев мешал ему признаться в этом. Удивлению Василия Тимофеевича не было предела.

– Ну, хитрец холоп, – воскликнул Василий Тимофеевич, и в его глазах мелькнули гневные огоньки, – шесть лет молчал. Если бы ты мне не рассказал, я бы никогда не узнал, что мой сын прислуживал холопу.

– Тятенька, – в страхе воскликнул Петр, – ведь ты же обещал не наказывать Миколу...

– Успокойся, сын, – миролюбиво сказал Василий Тимофеевич, и его гневная вспышка быстро погасла, – не пострадает твой наставник, хотя и следовало бы ему всыпать. Да, – после некоторого раздумья проговорил Постников, – видать сам Господь тебя направляет и хочет, чтобы ты стал лекарем. Я знаю, что этим делом у нас в Москве занимаются только иноземцы в Аптекарском приказе, русских что-то не припомню. Хотя, когда бывал в полках при воеводе, встречал каких-то не то лекарей, не то знахарей... Уж больно нерадивы они были. Столько бойцов загубили. Из трех ратников два умирали в невыносимых муках... А тот, который выздоравливал, оставался жив только благодаря тому, что сбежал от лекаря.

– Я бы очень хотел изучать лекарское дело, – осмелев, проговорил Петр.

– Признаться, я сам давно хотел на эту тему с тобой поговорить, Петька. Ты как сын приказного дьяка по правилам должен наследовать мою службу. Но сам видишь, какая у меня работа. Жалование – только – только на прокорм хватает без дополнительных дач. Деревенька Морозовка, что под Дмитровом, тоже ничего не дает. Едва-едва на налоги в царскую казну собираем с нее. Кому там работать? Два бобыля хилых – Сенька с Гаврилкой да хромая Пелагея... И что, много ли они наработают? Баба эта три года назад в буерак свалилась, так после этого и ходит с костылем, того и жди, что со дня на день отойдет. Людишек больше нет, купить их не на что, вся земля бурьяном заросла. Времени быть там самому не имею. В усадьбе и то не каждую неделю нахожусь...

Так что жить приходится на оклад да небольшие месячные дачи... Чуть провинишься, глядишь, и те отымут. Опять же посольства, в которые постоянно я отправляюсь, – Василий Тимофеевич на секунду задумался, – зима ли, дождь или снег, здоров или болен – все едино, собирайся и поезжай. А условия, в которых приходится работать? На переговорах слово не то сказал, не так перевел – посол тут же челобитную строчит, отвернулся чихнуть – нарушение порядка, не так ведешь себя – плохой работник, и нет прибавки, вот тебе и наказание – «вычитают твои вины», а то, не дай бог, – кнут. Ошибку в каком-либо донесении или отчете сделаешь – наказание. Вон как с Гришкой Котошихиным, подьячим нашего приказа, обошлись...

– А что с ним случилось?

– О... не приведи Господи. Помнится, было это еще в шестидесятом году, я тогда писцом был в приказе, ну, как ты сейчас. Так этого Гришку бедного за описку в царском титуле в одной из грамот поставили под батоги, дали ему двадцать пять ударов – всю спину изрезали. Бедный света белого невзвидел. От должности не отлучили, умен был плут, языков много знал. А как рубцы на спине подсохли да опух с ног сошел, отправили несчастного в Польшу посланником, оттуда он, сволочь, и сбежал к шведам.

– А почему сбежал? – любопытствовал Петр.

– Да и как не сбежать-то? Ни за что ни про что у Гришки дом отняли, семью в стужу на улицу выгнали, отца со свету сжили, его самого Юрка Долгоруков заставлял подложную ябеду против боярина Черкасского подписать, а если не подпишет, грозил запытать до смерти в застенке. Так что, ох, сыне... – Василий Тимофеевич перекрестился и на минуту задумался. – А другой случай недавно был, в середине декабря, как раз перед подписанием Бахчисарайского договора. Отправились три наших посланника в Азов на переговоры к туркам. Ехали малым отрядом... И что ты думаешь? Не доехали ребятки – донские казачки, промышлявшие возле Азова, разбили охрану, заарканили посланников и сбывли нехристи пленников татарам как ясырь, а те в свою очередь продали их туркам. Не окажись они у турок, мы бы в приказе до сих пор не знали, куда исчезло посольство. Выкупили их потом. Так что опасна государева служба... А что, сыне, если вместо приказной службы тебе действительно выучиться на лекаря? – немного помолчав, мечтательно проговорил Василий Тимофеевич. – Будешь лекарем. Ты ведь у меня парень способный, учиться любишь, – Он пытливо посмотрел на Петра, наблюдая за его реакцией.

Петр готов был подпрыгнуть от счастья, но сдержался, сказав:

– Да, тятенька, я очень хочу учиться. – И он низко, в пояс, поклонился отцу. – Где ты говорил, учат на лекаря?

– В Аптекарском приказе, при нем лекарская школа есть. Там доктора-иноземцы по царскому указу стрельцов учат разным иноземным наукам лекарским.

– А каким лекарским наукам там учат? – простодушно спросил Петр.

– Ну, ты, Петька, спросил, – Василий Тимофеевич удивленно помотал головой. – Откуда ж я знаю каким... Ну, слышал я, что пульки из плоти учат вынимать, настои разные, примочки из лекарственных трав готовить... Ну, наверное, учат ратных людей лечить. – Он

выразил недоумение на лице и добавил: – Чудно как-то – из стрельцов делать лекарей. Тогда можно и калачников переделать в пушкарей или сапожников...

– Это как про меня, тятенька, ведь сначала я выучился на толмача, а теперь хочу учиться на лекаря?

– Ты, сыне, языки постиг, это совсем другое дело. Языки всем докторам нужны, как дополнение... Хотя, – Василий Тимофеевич задумался, – лекарь-стрелец, вишь, тоже неплохо. Попал в плен, лекарское дело знаешь – уже хорошо, лекарей не убивают. А стрелец, что? Кому нужен враг-рубака? Только лишний рот, разве что на галеры...

– А где учат на доктора, тятенька?

– На доктора? – переспросил Василий Тимофеевич, удивленно вскидывая глаза на сына. – Ну ты, Петька, и замахнулся! На доктора учат только в Европе, в университетах. Но так далеко мы пока не будем заглядывать. Дай бог, сынок, осилить то, что у нас есть. – Он встал, показывая, что разговор закончен.

Петр хотел уже уходить, но отец остановил его:

– Кстати, о лечении твоих щенков. Несколько дней назад в библиотеку Посольского приказа иноземные посланники привезли книгу, называется «Complete Herbal», по-нашему будет «Полный травник». Книгу написал Николас Кульпепер, кажется, английский доктор. Неплохо было бы тебе ее почитать. Там много занятных лекарственных растений... Я этот травник успел только в руках подержать, Ковырякин сразу унес его на полку. Боюсь, не даст он его тебе.

– А почему?

– Она сейчас под запретом, потому что не просмотрена и не одобрена патриархом. Пока не будет патриаршего одобрения, Ковырякину строжайше запрещено кому-либо выдавать книгу. А ты сам знаешь, сколько в приказе работы... На два года вперед, день и ночь переводчикам да переписчикам вроде тебя работать безвылазно из приказа... Когда еще до ее перевода очередь дойдет. – Дьяк Постников задумался, а Петр застыл в ожидании. – Но попробовать можно, – снова заговорил он. – Библиотека приказа в холодное время должна всегда отапливаться для того, чтобы книги не отсырели и чернила с них не сползли. Поэтому Ковырякин каждый день ходит за дровами. Ты знаешь, он калека и передвигается с костылем, за один раз принести может не боле одного-двух поленьев. А на много ли их хватит? Он почти целый день, исключая обеденный отдых, ходит за дровами. Поэтому пообещай натаскать ему дров на день, может, на два, а то и на три вперед – и глядишь, согласится дать тебе книгу, хотя бы на одну ночь – так, чтобы полистать ее.

– Спасибо, тятенька, за твой добрый совет, – и Петр вновь поклонился в пояс отцу.

– Только не вздумай отца выдать! – сурово предупредил Василий Тимофеевич.

– Помилуй, батюшка.

– Ладно, ладно. Ну так что, ты согласен учиться на лекаря? – заканчивая разговор, спросил Василий Тимофеевич.

– Согласен, тятенька.

– Хорошо! Тогда завтра подаю думному дьяку челобитную.

Идея определить Петра изучать лекарские науки крутилась в голове дьяка Постникова уже давно. О его будущем он задумался, когда около трех месяцев назад вернулся из очередного посольства. Нередко выезжая за рубеж, он в силу своей профессии часто наблюдал тамошнюю жизнь. Его никогда не интересовала медицина, но однажды, будучи посланником русского царя к императору Священной Римской империи Леопольду I в Вене, Василию Тимофеевичу пришлось испытать на себе качество европейской медицины. Прибыв в Вену на два дня раньше назначенного срока, дьяк Постников решил осмотреть окрестности древней империи Габсбургов и побродить по городу, а заодно посетить уютные венские трактиры. Надо сказать, что Василий Постников не то чтобы увлекался, но при подходящем случае не упускал возможности прополоскать горло горячительными напитками. От природы он был человеком

открытым, но жестким. С охотой вступал в любой спор и с бычьим упрямством отстаивал свою точку зрения. Пресекал любую попытку соперника запутать себя или ввести в заблуждение. А если кому-то и удавалось уличить его в какой-либо неточности или, не дай бог, неправде, обрушивался на противника с такой яростью и напором, что тот, боясь быть покалеченным, быстро покидал место спора. Итак, зашел он по приезде в один австрийский трактир, выпил пива, потом немного водки, настоянной на полыни и называемой у них абсентом, и, придя в благодушное настроение, разговорился с двумя заезжими купцами. Разговор зашел о выгодах торговли в России. Василий Тимофеевич, как официальный представитель своего государя и радея за государеву казну, призывал купцов не тратить понапрасну время в постной Вене, а смелее осваивать рынок Московского царства и привозить в Москву больше европейских товаров. Говорил, что условия торговли для иноземных купцов в Москве царь создал самые наилучшие, а особенно для купцов из дружественных государств, при этом Постников не называл конкретно, какие государства он имел в виду. Однако купцы были еще те пройдохи, не верили посланнику, хоть и царскому, и доказывали обратное, что без взяток на Москве торговать невозможно. А взятки тех давать надо было без счета.

Говорили, что знают это не с чужих слов, что сами не единожды бывали в далекой Московии с товаром, но каждый раз с большим трудом выезжали обратно обобранные до нитки и только благодаря Всевышнему и своей изворотливости – невредимы. И теперь наперед зареклись: больше в этот дикий край ни ногой. Мирный поначалу разговор после очередного возлияния перешел в спор, затем в скандал, а завершился дракой, в которой хорошо пьяному Постникову не то сами купцы, не то другой кто-то ножом сильно поранил голову. Австрийская медицина оказалась на высоте: доктор, к которому всего в крови привезли Василия Тимофеевича, очень ловко и быстро тонкой нитью, изготовленной из кишечника овцы, зашил ему рану на голове. Аудиенцию с императором дьяк Постников, конечно, сорвал, за что лишился добавки к окладу, но при этом, благодаря хорошему расположению к нему князя Василия Васильевича Голицына, избежал кнута. А вот за помощь европейского доктора ему пришлось выложить приличную сумму. Знамо, денег было жалко, но уровень европейской медицины он оценил.

После общения с иноземными докторами ему и пришла мысль в голову: «А не послать ли Петьку обучаться лекарским наукам? «Что он будет киснуть в приказе... тем более что у него к учению есть тяга. Когда он еще младшего подьячего в приказе получит... А медицина – дело хлебное, да и народец будет доволен, вон хворых-то сколько, все паперти завалены. Хорошо выучится наукам, так калеки сами его прокормят». Так примерно рассуждал про себя Постников, возвращаясь из посольства домой.

Не откладывая дело в долгий ящик, и используя дружественные отношения со своим коллегой думным дьяком Емельяном Украинцевым и хорошее расположение ратного воеводы Василия Васильевича Голицына, дьяк Постников бил им челом, чтобы они добились царской милости для определения его сына Петра в обучение в школе Аптекарского приказа. Он мотивировал это тем, что Петька имеет большую тягу к изучению лекарского дела и хотел бы принести пользу царю и сберечь здоровье государевых людей на ратном поле.

Князь Василий Голицын, относившийся к дьяку Постникову за его ум, энергию и быструю сообразительность весьма благосклонно, получив челобитную от дьяка Посольского приказа Украинцева, в свою очередь подал царю Федору Алексеевичу через царевну Софью от себя челобитную, в которой, восхваляя достоинства его царского холопа Васьки Постникова, просит дозволить его сынишке, отроку Петьке, учиться в лекарской школе Аптекарского приказа.

Царская милость была получена без промедления.

Глава пятая. Ошибка

Глашка продолжала носиться из бани в подклеть, из подклети в сарай и обратно. Петр положил в приготовленную еще со вчерашнего дня ученическую сумку нарезанные из полотняной ткани и скатанные в рулоны бинты, два больших мясных пирога и сваренное накануне снадобье для изгнания червей из плоти, рецепт которого он вычитал в травнике Николаса Кульпепера.

Нужно добавить, что по подсказке отца Петр натаскал библиотекарю Ковырякину дров на несколько дней, библиотекарь поблагодарил юнца, но книгу не дал, сославшись на думного дьяка Посольского приказа, запретившего это делать без разрешения на то его святейшества патриарха.

Он очень расстроился, но не из-за того, что даром потрудился, а из-за того, что за свои труды, не получил книгу даже на день.

– Могу тебе только позволить при мне ее полистать, и то пока никого нет, иначе и тебе и мне не избежать наказания, – сказал Ковырякин, вынимая травник из шкафа. – Что ты хотел в ней вычитать? – спросил библиотекарь. – Я ее много раз пролистывал, скажи, что надо, я помогу.

Петр рассказал Ковырякину, что его дворовой пес повредил лапу и что в той ране завелись черви, а чтобы изгнать их оттуда, в Зелейном ряду ему посоветовали приготовить снадобье из чистотела, но как его готовить, не сказали. Вот он и хотел найти в книге нужный рецепт. Библиотекарь открыл содержание книги и быстро нашел страницу с невзрачным рисунком, под которым латинским шрифтом было написано: «*Chelidonium majus*».

– Вот то, что тебе надо, – чистотел, – сказал Ковырякин и показал на рисунок.

Петр взглянул на рисунок, и воскликнул:

– Это чистотел? Так этой травы на нашей усадьбе полно вдоль забора растет.

– А это, – Ковырякин перевернул страницу, – рецепт, как правильно приготовить снадобье.

Рецепт был прост: измельчить столько-то золотников цветков, столько-то золотников листьев, столько-то золотников коры, смешать с молоком, с медом... Петр дочитал рецепт и побежал домой.

Сколько по весу составлял один золотник, Петр не знал, поэтому он нарвал в саду листьев чистотела, измельчил их, но смешал вместо молока с закваской, добавил по своему усмотрению мед и все это прокипятил. Готовый отвар отнес в подклеть, а утром, когда гуща осела, слил излишки воды.

Закинув сумку на плечо и застегивая на ходу кафтан, Петр уже в сених одним махом выпил кружку кваса, приготовленную Миколой еще до его пробуждения, и вприпрыжку выбежал на улицу. Учитывая вчерашнее происшествие, он все-таки решил идти не торопясь, прижимаясь к левой стороне, потому что там после ночных заморозков сохранился еще плотный примороженный снег, на который можно было без опаски наступать.

Шел второй час дня. Солнце только-только поднялось над деревьями и вскользь освещало своими утренними яркими лучами блестящие купола церквей. В школе ему нужно быть не позже трех часов дня. Значит, у него есть в запасе еще целый час, рассуждал Петр про себя, и он успеет навестить своих щенков, которые ждали своего спасителя на пустыре в Зарядье. Размеренный благовест, возвещавший о начале утренней службы, раздавался на всех московских колокольнях. Окрестный народ отовсюду стекался в церкви на службу, чтобы после нее побродить по торгу на Красной площади, поговорить о том о сем со знакомыми, а заодно и послушать дьяка, который часто с Красного крыльца царского дворца зачитывал новые указы царя. Петр быстро пересек Лубянскую площадь и вышел на Варварку. Пройдя палаты бояр

Романовых, подошел к частоколу Знаменского монастыря, откуда уже был виден Узнатный круг на Спасской башне. Петр увидел, что цифра 6 цифирного круга только наполовину зашла за стрелку.

«О, времени еще достаточно, успею!» – подумал он. Перед частоколом он свернул влево на извилистую тропинку, которая змейкой спускалась вдоль высокого забора. Скользя по мокрому снегу, уворачиваясь от сухого колючего репейника и обходя кучи собачьего помета, Петр сбежал вниз к Кривому переулку, который упирался в широкий поперечный Мокринский переулок. Проходя церковь Николы Мокрого, наскоро перекрестился, обогнул колокольню, и вышел на пустырь, где в своей норе его уже ждали щенки. Петр шел и думал о собачьих детях, к которым так привязался за этот месяц, и представлял себе, как теперь их вылечит. Он знал, что они его уже почувствовали. И действительно, как только он вышел из-за колокольни, на вершине склона увидел питомцев, которые наполовину выползли из пещеры. Вытянув в сторону своего спасителя лохматые морды, они широкими ноздрями нюхали воздух. А когда он приблизился, перевернулись на спину и приветствовали Петра дрыганьем лап в воздухе. Они повизгивали от радости, а иногда скулили от боли, но все равно были до такой степени рады своему целителю, что, вылизав его руки, тянулись языками к лицу, не обращая внимания на боль. Петр ласково тормозил их большие головы и тербил свалявшуюся в комки шерсть, запуская в нее пальцы. Насладившись игрой, он дал каждому щенку по куску мясного пирога. Который они, рыча и оглядываясь друг на друга, с жадностью в мгновение ока проглотили.

Когда с едой было покончено, Петр приступил к промыванию ран. Он использовал талую воду. Тщательно очистив раны от гноя и червей, которые за несколько дней его отсутствия снова образовались в ране, Петр густо нанес самодельную мазь на обе задние лапы каждому щенку и плотно их забинтовал. Перед уходом он некоторое время поиграл с ними и, уже уходя, потрепал каждого за ухом. Спускаясь по склону, Петр еще долго слышал протяжное повизгивание щенков, наивно полагая, что это проявление радости от встречи с ним.

Глава шестая. Школа

Протолкнувшись через толчею продавцов и покупателей на Красной площади, Петр пробился к Спасским воротам, стащил шапку с головы, трижды перекрестился на икону Спаса Смоленского и прошел под сводом ворот на территорию Кремля. На Ивановской площади людей было не меньше, чем на торгу. Недалеко от колокольни Ивана Великого находилась главная контора площадных подьячих. Вокруг этой конторы ежедневно, чуть ли не круглосуточно, собиралось огромное число просителей. Больше всего на площади было калек, больных и убогих, которым за малые деньги, а иногда, проявив человечность, и безденежно, площадные подьячие писали челобитные царю для выделения царской милости бесплатного лечения или выдачи из царской казны рублевик на пропитание. С ней челобитчик шел к дьяку Аптекарского приказа за резолюцией, без которой царь и боярская дума не рассматривали прошение. Поэтому очередь от конторы площадных подьячих практически в том же составе переходила к крыльцу Аптекарского приказа, благо они находились недалеко друг от друга. Народ уже прослышал, что сегодня после думского сидения царь Федор Алексеевич собирается посетить лекарскую школу. Все знали, что сразу же после окончания утренней литургии Ивановская площадь будет очищена от подлого люда и различных просителей. Поэтому народ старался в первые дневные часы решить все свои неотложные дела.

Немудрено, что Петру и здесь пришлось применить острые и жесткие локти, чтобы попасть в школу. Два стрельца в красных кафтанах с бердышами в руках охраняли на высоком крыльце вход в Аптекарский приказ.

– Ты кто? – сердито спросил стрелец на вид лет двадцати с рыхлой и редкой бородашкой, перекрывая бердышом дорогу Петру.

– Я Петр Постников...

– Сегодня никого не велено пущать! – не дав договорить Петру, отчеканил стрелец. – Сегодня царев день! Приема нет. – Он перевернул бердыш горизонтально, и не успел Петр опомниться, как стрелец уперся ему древком в грудь и стал сталкивать с крыльца. Чтобы не упасть, Петр схватился руками за древко, а ногой уперся в балясину перил.

– А ну, иди отсель! – закричал стрелец и сильно, как ему казалось, стал давить Петру на грудь, стараясь спихнуть с крыльца. Но Петр видел щедедушность воина, хоть тот и был постарше его самого, поэтому еще сильнее вцепился руками в палку и, отодвигая того назад, прокричал:

– Пропусти меня в школу! Я записан сюда для учения лекарским наукам.

Стрелец не то от бессилия, не то от того, что отрок и вправду ученик, ослабил напор, но бердыш не опустил, а пристально посмотрел сначала на Петра, а потом на своего напарника, спросив его:

– Василич, что делать?

– А ну погодь! – подходя, сказал стрелец постарше и рукой опустил бердыш товарища. – Так ты, выходит, ученик лекарской школы?

– Да, – подтвердил Петр, – с сегодняшнего дня я записан в класс.

– А ты чей будешь? – Он оглядел Петра снизу вверх. – Вроде как на стрелецкого не похож, али еще ты чей?

– Я сын дьяка Посольского приказа! – отчеканил Петр.

– В Аптекарской школе учатся только стрельцы и дети стрелецкие. Ну, еще, правда, поповские. А сынов дьяков нема, – возразил старший.

– Я по царской милости назначен в учение, – не унимался Петр.

Стрелец хмыкнул и на мгновение задумался.

– Слышь-ка, Никитка, – сказал он молодому, – а ну, сбегай к подъячему, а если того нет, спроси толмача, что делать с пришельцем – гнать в шею, пустить али еще што?

Молодой, подхватив одной рукой полы своего великоватого, похожего на балахон стрелецкого кафтана, а другой прижав к груди тяжелый бердыш, вбежал через сени в Аптекарский приказ. Как только он скрылся за дверью, толпа, спокойно стоявшая на ступеньках крыльца, почувствовав ослабление охраны, зашевелилась и начала медленно, монолитно подаваться вперед, прижимая Петра к старшему стрельцу. Охранник напрягся, налег на бердыш и со всей своей могучей силы, упираясь ногами в пол, закричал:

– А ну, сдай назад! Куды прешь, подлый люд! – И стал сталкивать толпу калек с крыльца, угрожая изрубить всех в куски. – Давно, видать, не были на распросе в Стрелецком приказе? – закричал он. – А ну, кому сказал, сдай назад, сволочь!

В толпе послышался слабый стон. Видимо стрелец сильно прижал к перилам какого-то несчастного калеку, и тот скрипучим голосом простонал:

– Кормилец, пощади, отпусти грудь-то, дышать нечем... – И тот зашелся в неистовом кашле.

– Мил человек, – промолвила стоявшая на ступеньку ниже сухонькая баба с изъеденным оспой лицом, – подмогни хоть маненько-то, милоч, поклич дьяка, мочи нет ждать...

– Я вот те щас подмогну саблей по шее, сучье отродье!

Стрелец, опустил бердыш, выдернул саблю из ножен и взмахнул ею над головой очумевшей от страха бабы.

– А ну, здай!...

Толпа в ожидании удара испуганно подалась назад и, охнув, осела.

– А ты куды ползешь, таракан облезлый, – закричал он еще на одного пробиравшегося между людских ног молодого калеку. – А ну, спадай вниз, сука! – И он с силой пнул ногой убогого, который со стоном покатился по ступенькам вниз.

Наконец вернувшийся напарник привел паренька лет четырнадцати в поповском подряснике и камилавке.

– Ты Петр Постников? – спросил мальчик.

– Да, – ответил Петр, удивленный тем, что этот небольшого росточка попик знает, как его зовут.

– Я староста школы Кирилл Савелов. Твое имя стоит в списке со вчерашнего дня. Но ректор вчера сказал мне, что ты будешь только завтра, то есть сегодня, – отвечая на немой вопрос Петра, проговорил староста-попик. – Иди за мной.

Петр протиснулся между стрельцами и вошел за ним в сени.

– В классе все уже собрались, ждут ректора. Сегодня очередное распределение учеников по лекарским направлениям. Ты уже где-то учился или от нуля пойдешь?

– Да, обучался, – уклончиво ответил Петр. – А что такое – распределение по лекарским направлениям?

– Это когда определяют, кто что хочет изучать. Кто-то хирургом хочет быть, кто-то алхимиком, а кому-то костоправное искусство по нраву.

– А если хочешь все лекарские направления изучать? – спросил Петр паренька.

Попик остановился и с удивлением посмотрел на Петра.

– Не знаю, возможно ли у нас такое, – с сомнением в голосе ответил мальчик. – Но, чтобы все изучать, нужно на доктора в университете учиться, а на доктора у нас не учат. На доктора учат только в Европе.

– Я знаю, – уверенно ответил Петр, – мой тятенька рассказывал мне, он часто в Европе бывает.

– А кто он, твой отец?

В этот момент они вошли в большой и просторный зал с высоким сводчатым потолком, где узкие продолговатые окна, были украшены цветным стеклом, а пол выстлан тесаным брусом, от которого исходил приятный запах сухого дерева. Когда ребята проходили через зал, их шаги глухим эхом отражались от потолка. А слова, которые они произносили, сливались, что приходилось переспрашивать. Вдоль всей левой стены от пола и почти до потолка стояли дубовые шкафы с резными красивыми в стекле дверцами, выкрашенные в светло-коричневые тона. Сквозь узкие стекла были видны лежавшие на полках стопками книги.

– Вот это да! – промолвил Петр, удивленный красотой помещения и изобилием книг. Задрав голову и склонив набок, он разглядывал корешки книг. Дома у его родителя тоже есть библиотека, но она не такая большая, как здесь, и размещалась в двух сундуках, которые стояли в его рабочей комнате. А тут все книги лежат в шкафах, и их видно через прозрачные дверцы.

– Какая огромная палата. А это что? – почти с придыханием спросил Петр.

– Это библиотека Аптекарского приказа – кладезь науки, – прокомментировал юный монах. – В ней собрано большое количество рукописных и печатных книг – русских и иностранных, конечно, больше иностранных.

– Ого, даже приставная лестница есть. – Петр кивком указал на дальний шкаф.

– Да, – подтвердил Кирилл, – это для того, чтобы с верхних полок доставать нужные книги. На самом верху лежат травники, лечебники, книги по медицинской ботанике и физиологии. Слышал я, что в библиотеке есть одна очень ценная книга, – с загадочным видом сказал юноша, указывая рукой куда-то под потолок. – А называется она «Врачевская анатомия». Ее еще двадцать с лишним лет назад по поручению патриарха Никона иеромонах Епифаний Славенецкий перевел с латыни на русский язык. До недавнего времени она хранилась в Патриаршей библиотеке. И только незадолго до Святков, прямо перед Крещением, по указу патриарха Иоакима книгу поместили в библиотеку Аптекарского приказа. Слышал я также, что по ней мы скоро будем изучать анатомию. Правда это или нет, точно не ведаю.

Они прошли дальше.

– А на этой стороне, – Кирилл рукой указал на противоположную сторону зала, – собраны образцы растений, которые наши алхимики-аптекари выращивают на аптекарских огородах.

Вдоль всей той стены на пеньковой веревке висели – связанные тоже пенькой толстые снопы сухих трав. К каждой такой связке была прикреплена береста, на которой неровным почерком латинскими буквами было нацарапано название растения.

– А в этих шкафах, – Кирилл кивнул на небольшие шкафы, которые висели на стене над снопами, – хранятся образцы лекарственных снадобий, изготовленные из этих трав. Здесь есть настои, мази, пластыри и разные растирки.

Действительно, через стеклянные створки Петр увидел расставленные на полках маленькие и большие пузырьки, бутылочки, колбочки с вытянутыми тонкими носиками и емкости с цветными жидкостями. На каждой такой посудине также была наклеена этикетка с названием находящегося в нем снадобья. Петр приостановился и как замороженный смотрел на все это великолепие.

– Ты че остановился-то? – обернувшись, спросил Кирилл. – Пойдем, еще насмотришься. Так кто твой родитель? – повторил он свой вопрос, возвращаясь к прерванному разговору.

– Батюшка-то мой? Он дьяк, при Посольском приказе служит. А ты в рясе? Ты поп, что ли? – Петр плавно сменил тему разговора, потому что помнил наставление родителя: «Чем меньше люди о тебе знают, тем спокойнее твоя жизнь».

– Я послушник при Ферапонтовом монастыре, сын воеводы Павла Савелова, племянник Его Святейшества, – так же коротко и лаконично ответил юноша.

Петр удивленно вскинул брови и хотел еще о чем-то спросить Кирилла, но они уже подошли к нужной двери, и монашек потянул ручку.

Когда они вошли, взору Петра открылась широкая и длинная, с таким же высоким сводчатым потолком, как и в библиотеке, комната, похожая на зал. Там было сумеречно и пахло копотью. Света, который проникал через четыре полуовальных окна, для такого большого зала было недостаточно, поэтому по всему периметру в кованых подсвечниках были расставлены копящие сальные свечи.

– Ух ты, какая палата, – восторженно произнес Петр, оглядывая просторный зал.

– Это наш учебный класс, – с ноткой гордости ответил Кирилл. Он выдвинул из-под стола две скамьи, сел на одну и жестом пригласил Петра тоже сесть.

– Такой огромный и красивый, – восхитился Петр. – А что здесь делают стрельцы, – спросил он, глазами окидывая группу разновозрастных молодых людей в стрелецкой одежде, сидящих за длинными столами и о чем-то между собой оживленно разговаривающих. Иногда тихая речь какого-нибудь стрельца, вдруг неожиданно прерывалась дружным хохотом, который так же резко обрывался, как только рассказчик начинал снова что-то говорить.

– Они так же, как и я, учатся на лекаря, – сказал староста. – Здесь доктора иноземцы читают нам лекции по медицинской ботанике и хирургии, и обучают всяким медицинским премудростям.

– А какие доктора? – спросил Петр.

– Вон те, – попик рукой указал в дальний конец комнаты. – Видишь? Петр посмотрел, куда указывал Кирилл, и увидел группу человек из шести, сильно отличавшихся от учащихся и служащих Аптекарского приказа. Одежда их состояла из приталенного, различных оттенков, но обязательно темного кафтана, из-под которого контрастно выглядывала застегнутая на множество пуговиц жилетка, горло закрывалось разноцветным кружевным платком. Почти все иноземные доктора носили парики с закрученными буклями. На ногах светлые чулки и туфли на каблуках с металлической пряжкой. Они стояли вокруг массивного дубового стола и о чем-то негромко беседовали между собой. Один из них, по виду старше других, одетый в темно-коричневый бархатный кафтан, и со свисающими ниже плеч буклями, что-то эмоционально рассказывал своим коллегам, держа в руках колос какого-то злакового растения.

– А почему учатся на лекаря только стрельцы?

– Говорят, что царь Алексей Михайлович еще в годы своего правления – царствие ему небесное и вечный покой, озаботился тем, что слишком много стрельцов гибнет на войне от малых ранений, которые, как говорят доктора-иноземцы, можно с успехом лечить. Вот он и решил обучать стрельцов лекарскому искусству, как людей близких к ратному делу, и возвращать их обратно в полки, но уже как лекарей, чтобы они помогали своим товарищам на бранном поле. Для этого государь и приставил к ним для обучения докторов-иноземцев. Но тогда из этого ничего не получилось.

– Почему? – удивился Петр.

– Многие стрельцы, страшась Божией кары за изучение еретических наук, сбежали из школы, а те, которые остались, не были способны учить латынь. И только когда царь Федор Алексеевич пригрозил сослать всех отказников в Сибирь, дело вроде бы пошло.

– А почему иноземных докторов в полки не посылают, ведь их же не надо учить? – простодушно спросил Петр.

– Кто же тогда останется при дворе, лечить царскую семью, да и бояр тоже? К тому же иноземцы недостаточно хорошо знают русский язык.

– Ну да, – согласился Петр, – я не подумал об этом.

– А какой язык знаешь ты? – вдруг проявив любопытство, спросил староста Кирилл.

– Латинский и немецкий, – ответил Петр так, словно это норма. – Я же учился в школе при Посольском приказе, там нас готовили к переводческой работе. Поэтому обучали языкам.

– Я, к сожалению, владею только латынью и то не свободно, – скромно, без зависти проговорил Кирилл.

Стрельцы кучно сидели посреди учебного зала и разговаривали. Их многоголосый шум эхом отражался от свода потолка и закладывал уши.

Петр привстал и еще раз обвел взглядом класс. Только сейчас он заметил, что на одной из стен, так же как и в библиотеке, висели на веревках, почти до самого пола, такие же снопы лечебных трав, а между ними – связанные в пучки сухие ветви деревьев, больше похожие на метлы без черенков. На полу, ближе к углу, лежал небольшой пенек, а около него, очищенный от земли и белый как снег, корень какого-то кустарника с тонкими словно паутина отростками.

На противоположной стене на уровне глаз были укреплены широкие деревянные полки. На них плотным рядом были размещены различные емкости с разноцветными образцами лекарственных снадобий. А сквозь стеклянные дверцы шкафов можно было рассмотреть пузатые флаконы с сушеными насекомыми и цветными камнями.

Рядом с пузырьками на полке лежали четыре длинные и с десяток коротких костей.

– Скажи, – перекивая общий шум, спросил Петр, – а для чего вон те кости, что на полке?

– Это учебный материал, – уточнил староста, – по этим костям да еще по рисункам лейб-медик доктор фон Гаден первый год учил нас анатомии. Конечно, костей было мало, не больше дюжины, кажется... А когда не хватало костей, он показывал нам рисунки различных органов, рассказывал, где какая кость находится, как она называется, показывал на рисунках сердце, печень, даже кишки. Правда, рисунки были похожие один на другой, никто не мог отличить, например, кишку от кости или печень от сердца. Так-то вроде смотришь на себя, все понятно, знаешь, где бедро, где плечо, а когда две кости лежат рядом, так и не отличишь, от человека эта кость или от свиньи, от руки она или от ноги. Так толком анатомию никто из нас и не выучил. Слышал я, что на втором году анатомии нас будет учить доктор Андрей Келлерман по «Врачевской книге», той самой, о которой я тебе говорил в библиотеке, может, по ней мы лучше выучим анатомию?

Петр скептически посмотрел на Кирилла.

– Вообще-то, многое зависит от способностей...

В этот момент стрельцы снова разразились дружным хохотом.

– Интересно, над чем они там ржут?

Оба посмотрели на стрельцов.

– А чего все ждут? – спросил Петр, снова разглядывая зал.

– Ждут ректора Лаврентия Блюментроста, он сегодня на Рязанском подворье распределяет по кельям очередную партию недавно поступивших из-под Чигирина раненых стрельцов. Как я слышал, он отделяет больных от раненых, чтобы они находились в разных комнатах и чтобы больные не заражали раненых своими прилипчивыми болезнями.

– Рязанское подворье – это не то ли, которое около Мясницких ворот? – поинтересовался Петр.

– Да, оно.

– Батюшкина усадьба, в которой мы живем, недалеко находится. А почему на этом подворье раненые, – любопытствовал Петр, – там же всегда паломники останавливались?

– Очень удобное расположение, – ответил Кирилл. – С одной стороны рядом Аптекарский приказ – начальству недалеко, если ревизию проводить. Вторая аптека, что на Ильинке, тоже рядом, из нее на подворье дежурные ученики доставляют готовое лекарское снадобье для раненых. Опять же Аптекарский огород, что за Мясницкими воротами, близко. На нем алхимист Шилов выращивает лекарственные растения, сушит, измельчает и упаковывает сбор в мешки, да там же и готовит для тех раненых стрельцов и солдат простые настойки, растирки, пластыри и разные промывки... Правда, сложные лекарства доктор Блюментрост Шилову не позволяет готовить в том коктории.

– А что такое сложные лекарства?

– Сложные лекарства – это те, которые принимают больные нутряными болезнями. Пилюли, порошки, разные масла и бальзамы... Готовятся такие лекарства по сложным рецептурным прописям, и готовит их только аптекарь или его помощник – алхимист-аптекарь.

– А где их готовят? – допытывался Петр.

– В коктории второй аптеки, что на Ильинке.

– В коктории? – удивленно повторил Петр. – Что это такое – коктории?

Кирилл слегка улыбнулся и поправил Петра:

– Не коктории, а кокторий.

– И что это такое? – не унимался Петр.

В душе Кирилл был горд тем, что у него появилась возможность похвастаться своими знаниями перед новеньким, хоть тот был и больше образован в языках, и, не ударив лицом в грязь, показать, что год обучения в лекарской школе не прошел для него впустую.

– Кокторий – это травяная лаборатория, – со знанием дела стал рассказывать Кирилл. – Всего их три, и в каждом готовят сложное и простое лекарское снадобье и выгоняют различные спирты, водки и вина. Первый кокторий расположен в первой царской аптеке, в нем хозяйничает аптекарь Гутбир и никого, кроме главы Аптекарского приказа и его помощника дьяка Виниуса и доктора Блюментроста, туда не допускает. Только в нем готовят лекарства для царя и его семьи. На Ильинке в здании Гостиного двора находится вторая аптека, которая называется Новая аптека. Там располагается второй кокторий, он разделен на две части. Первая часть – алхимическая палата, принадлежит аптеке, управляет ею аптекарь Яган Гутменш. В ней он со своим помощником алхимистом-аптекарем готовит лекарства как для бояр и стрельцов, так и для народа всякого чина. Вторая часть – кабацкая, она помещается через стенку. Кабак – собственность государя и служит для пополнения царской казны. Заправляет там алхимист Антон Ананьин – выученик Аптекарского приказа. Под его надзором в коктории выгоняют спирты, производят хлебное вино и делают простые лечебные настойки, которые продают населению. А есть и третий кокторий, что на аптекарском огороде за Мясницкими воротами. Там распоряжается алхимист Шилов. О нем я тебе уже говорил.

– А где же для этих лекарских снадобий берут травы?

– На нашем же, на Мясницком, огороде. Мы их выращиваем, собираем, высушиваем и измельчаем. Василий Шилов проводит их сортировку – часть отбирает для дистилляции спиртов и водок, еще часть после сушки и измельчения идет для изготовления лекарственного снадобья, а третью часть – большую, он упаковывает в мешки, подписывает латынью, какие в данной мешке травы лежат и для каких снадобий годятся. На каждом мешке ставит наши имена. Когда все готово, то каждый из нас, когда дежурит, берет мешки со своим именем и относит в кокторий на Ильинку. Там уже на следующий день аптекарь с помощником, согласно прописанному доктором рецепту, варит снадобье, которое мы забираем и приносим стрельцам на Рязанское подворье.

– А для царя снадобье тоже готовит ученик аптекаря? – спросил Петр.

– Что ты?! – воскликнул Кирилл. – Для царя все лекарства делаются только в главном коктории при первой царской аптеке. Там очень строго. За всем алхимическим процессом наблюдают боярин, его помощник дьяк Виниус и доктор Блюментрост. Снадобье же готовит только сам аптекарь. Перед тем, как давать лекарство царю или кому-нибудь из его семьи, его пробует сначала аптекарь, потом доктор Блюментрост, потом дьяк Виниус и последним боярин Аптекарского приказа, и только потом несут царю. Ну, а когда государь откушает некоторое количество снадобья, остатки зелья допивает ближайший к царю боярин.

– Так строго? – изумился Петр.

– Оберегают батюшку-царя.

– А откуда главный кокторий получает лечебные травы, тоже с Мясницкого огорода? – не унимался Петр.

– Раньше много трав по заказу царя или бояр из-за границы привозили купцы или посланники, и до недавнего времени небольшую часть таких трав для царской аптеки выращивали на Аптекарском огороде, что под Кремлевской стеной, ну на том, что на правом берегу Неглинки. Но после одного интересного случая сырье стали поставлять в первую аптеку и из нашего, Мясницкого, огорода.

– А что за случай? – заинтересовался Петр.

Глава седьмая. Алхимист Шилов

Кирилл, немного помолчал, как бы что-то вспоминая, затем сказал:

– Я точно не знаю, но слышал, что была такая история, которая произошла с Василием Шиловым, нашим алхимистом. Несколько лет назад, еще до того как мы начали здесь учиться, – начал рассказывать Кирилл, – Васька Шилов, крепкий, сажень в плечах, способный мужик, тогда был на огородах садовником, а ночью работал сторожем. В то время аптекарским огородом заправлял один немчин аптекарь из Саксонии, Кристиан Грабов. Для выполнения всяких огородных работ – выкорчевывание, сбор навоза, перекопка земли, строительство ограждения и всяких других садовых дел – Аптекарский приказ для найма рабочих немчину-аптекарю выплачивал деньги. Однажды аптекарь из разговора с Василием Шиловым узнал, что тот мечтает выучиться на алхимиста, тогда он возьми да и предложи Шилкову поступить к нему учеником. Такую возможность, конечно, Василий упустить не мог и сразу согласился. Грабов, не откладывая дела в долгий ящик, попросил дьяка Андрея Андреевича Винууса, чтобы садовника Ваську Шилова назначили к нему в ученики. За это по уговору Шилов должен был всю работу по огороду выполнять сам и безденежно. А все деньги, полученные из приказа, аптекарь Грабов присваивал себе. Шилов был способный ученик, и уже через два года аптекарь стал разрешать ему, помимо посадки различных растений, выполнять перегонку спиртов под его контролем, а когда убедился, что Шилов успешно справляется и честно трудится, разрешил уже самостоятельно проводить дистилляцию всех спиртов и водок. И вот однажды выдался как-то Шилкову свободный от работы день, и он решил не оставаться на огородах, на которых он жил безвылазно, а провести его среди народа, где-нибудь поближе к Кремлю. Гуляя по торгу на Красной площади, забрел Василий в царский кабак или, как его принято было называть, на кружечный двор. Кабак назывался «Под пушкой» и считался самым разгульным питейным домом. А располагался он недалеко от лобного места, сразу за «Разрывным» рядом на торгу. Но не ради питья Василий туда зашел, а, как он сам говорил, для разговору, чтобы с кем-нибудь маненько побалагурить. Случайно к нему подсели два иноземных купца, которые распродали весь товар и вскорости собирались уезжать в свои земли. Поздоровались, да и разговорились. Разговор зашел о питейном зелье. Купцы пили иноземную романею да нахваливали ее. Василий тоже пил ее, но морщился. После того как они достаточно выпили этой романеи, каждый стал нахваливать вино родной земли. Переспорить иноземцев Василию не удалось, тогда он возьми да и предложи купцам посмотреть, как делается настоящая, не кабацкая, а царская романея, а заодно и сравнить ту, которую они пьют здесь, и ту, которую делает он сам с царского дозволения. Купцы удивились: неужели, мол, у русских есть своя романея? Не может быть, кричали они. Настоящая романея готовится из винограда, а где, скажи на милость, на Руси виноград? И где это видано, чтобы царскую романею делал простой мужик? Купцы, конечно, не знали, что такое кокторий, но были достаточно пьяны и ради любопытства согласились посмотреть. Привел Шилов гостей на свой Мясницкий огород, завел в просторную избу, в которой купцы увидели большой медный аламбик...

– Аламбик? – вырвалось у Петра. – Прости, что перебиваю, а что такое аламбик? – виновато спросил он.

– По-нашему это перегонный куб, в котором Шилов производил дистилляцию спирта, – ответил Кирилл так, словно о дистилляции через перегонный куб было известно всем и давным-давно.

Петр понял: чтобы не прослыть наивным глупцом, лучше вообще ни о чем не спрашивать, а только слушать.

– Так вот, – продолжал рассказывать попик, – Василий Шилов решил похвастаться иноземцам, что на Москве он готовит самые лучшие романеи, водки и спирты. Показал им сто-

ящие вдоль стены кадушки с брагой, кубышки, кринки и стеклянные четверти с вытяжками из коры, плодов и соцветий самых разных растений, которые для вкусовых качеств и как лечебное средство от простуды добавлялись в хлебное вино. Купцы засомневались и не поверили. Тогда Шилов вытащил из-под льда прикрытый опилками глиняный кувшин, налил полную чарку прозрачной ледяной жидкости и, отпив несколько глотков, передал иноземцам. Купцы попробовали и остались довольны, но сказали, что, на их взгляд, это обычная крепкая водка, которую они уже однажды где-то пробовали. Хорошо, сказал Василий Шилов, и поднес им «тонкий» напиток на основе хлебного вина, специально им изготовленный для царского стола. Когда гости попробовали предложенное Шиловым вино, они не могли нахвалиться, говоря, что впервые в жизни пробуют такое вино. На вопрос, как оно называется, Василий сказал, что название ему – «Гипокрас» и что вино настояно на вытяжке из коры корицы. Пили и разговаривали они до петухов. В ход пошли настои на кардамоне, имбире, бадьяне... Но в отличие от некоторых кабаков, в которых запрещено было продавать еду, а продавали только питейное, в коктории у Шилова нашлась и закуска. В итоге купцы, несмотря на очень большую головную боль, остались весьма довольны знакомством с Василием Шиловым. Уходя, они благодарили его за радушный прием и гостеприимство и пообещали в следующий приезд обязательно привезти ему подарок из Голландии. Начальство Аптекарского приказа, прознав, что Шилов без ведома дьяка пустил на огороды иноземцев да еще напоил их царевой водкой, определило ему наказание – двадцать пять ударов батогами. Шилов, мужик крепкий, толстокожий, выдержал батоги. Сказывали, две недели не вставал. Но от учебы не отлучили. Говорят, что Васька выходил себя сам. Все две недели он ползал по избе, делал из различного сбора пластыри и примочки и наконец исцелился.

В следующий приезд в Москву эти же купцы действительно разыскали Василия и преподнесли ему обещанный подарок – завернутые в холщовую тряпицу несколько семян неизвестных Шилову растений. Вот, сказали они ему, посадишь эти семена, и вырастет у тебя самое лучшее лекарственное растение – такое же, как и твоя романея, и получишь из него снадобье от многих хворей. Хоть Василий и был садовником и учеником алхимиста, но в семенах не разбирался. Говорят, не поверил он иноземцам, посмотрел на черные словно паучьи зрачки, блестящие зернышки, покатав их на ладошке, сплюнул вслед уходящим купцам, да и выбросил их в заросший бурьяном угол сада.

– И что ж, иноземцы обманули? – с сочувствием спросил Петр.

– На следующий год, когда Шилов, как обычно, понес скошенную траву на пригорок в дальний угол огорода, он обнаружил там множество различных цветов с удивительными по форме листьями и высоким стеблем. Первый, кому Шилов рассказал о найденных растениях, был аптекарь, немчин Кристиан Грабов. Тот сразу понял, что это лекарственные травы, но названия их не знал. Однако доктор Блюментрост и аптекарь Яган Гутменш, которым алхимист сообщил о находке, осмотрели стебли, листву и цветки, сличили их с гербарием, находившимся в Новой аптеке, и определили, что выращенная алхимистом Шиловым трава – не что иное, как майоран и эхинацея, которую Аптекарский приказ для нужд царской аптеки всегда закупал за границей. Конечно, дьяк Винус сразу вызвал к себе немчина Кристиана Грабова, но тот еще до начала расспроса от всего откестился и все взвалил на садовника Ваську Шилова. На вопрос дьяка, как попали на аптекарский огород диковинные семена, Шилов рассказал всю прошлогоднюю историю с голландцами, за что он получил тогда двадцать пять батогов. Сказал, что, когда купцы вернулись опять из Голландии и нашли его, то он надеялся, что они привезли какую-нибудь диковинную иноземную настойку. А они, вспомнив его наивкуснейший «Гипокрас», дали ему в подарок что-то завернутое в холщевую тряпицу. Когда Шилов ее развернул, то, кроме нескольких черных зерен и горсти влажной земли, ничего больше там не обнаружил. Он расстроился, поскольку ожидал чего-то такого, от чего у него дух захватит.

И, когда купцы ушли, он, по его словам, плюнув им вслед, вытряхнул семена в бурьян. А из них вон что выросло. *кассия остролистая*

– И что, Шилова чем-нибудь пожаловали? – спросил удивленный этим рассказом Петр.

– Его пожаловали десятью рублями и назначили алхимиком-дистиллятором. Когда мы пришли в прошлом году обучаться в школу, ему уже разрешили иметь учеников. Теперь он нас учит выращивать разные травы и готовить из них всякие лечебные снадобья.

– Ну, а что немчин тот, аптекарь Грабов, что с ним?

– Немчина изгнали из Аптекарского приказа за мошенничество и казнокрадство и без всяких дач и выплат выслали в Саксонию.

– Скажи, а какие лекари лечат тех раненых и больных ратников, которые находятся в лечебных палатах на Рязанском подворье? – спросил Петр и мельком посмотрел на группу докторов-иноземцев, по-прежнему стоявших около учительского стола в глубине зала.

– Мы же сами и лечим! Раз в неделю их навещают доктора-иноземцы, а в остальное время мы, ученики лекарской школы, дежуриим там. Как говорит ученая немчура, «другого материала в Московии для обучения нет».

Глава восьмая. Знакомство с Грегори

Разговаривая со старостой Кириллом и иногда бросая взгляды на иноземных докторов, Петр вдруг обратил внимание, что юноша – на вид лет двадцати – время от времени смотрит в их сторону. И в один из таких моментов их глаза встретились. Иноземец неожиданно улыбнулся Петру и коротко махнул ему рукой, затем отделился от коллег и пошел в его сторону. Это был высокий, стройный юнец, единственный, видимо, из докторов, кто не носил букли. Вместо парика его голову украшала густая, темно-русовая шевелюра и волосы крупными локонами спадали ему на плечи. Протиснувшись между столами, за которыми сидели стрельцы, он подошел к Петру и, обхватив обеими руками его плечи, произнес:

– Мне приятно тебя видеть в полном здравии, мой друг. Я рад, что ты здесь. Я за тебя очень волновался. Кстати, как ты себя чувствуешь после вчерашнего происшествия?

Петр ошарашенно смотрел на иноземца и не понимал, почему тому приятно его видеть и откуда этот молодой немец знает о вчерашнем происшествии. Петр, как бы отстраняясь от незнакомца, повел плечами. Юноша понял намек и тут же представился:

– Прости, мой друг! Готфрид Грегори, – произнес он, – алхимист-аптекарь, помощник аптекаря Ягана Гутменша при Новой аптеке, что на Гостином дворе. Я сын пастора приходской школы в новой Немецкой слободе, где, как я вчера узнал от твоего батюшки, после меня учился и ты.

– Да, я там учился... – пытаюсь что-то вспомнить, проговорил Петр, – но тебя, аптекарь, я там не видел.

– Ты и не мог меня там видеть, я окончил школу много раньше, чем ты туда пришел. А ты помнишь вчерашнее происшествие? – спросил Грегори и стал внимательно рассматривать лоб Петра.

– Очень смутно. Кажется, я упал... и больше ничего, – ответил Петр и с подозрением посмотрел на помощника аптекаря.

– Вот она, вчерашняя отметина, – Грегори показал пальцем на шишку на лбу Петра. – Болит?

– Если не трогать, то ничего.

– Вчера мы с доктором Блюментростом – это мой дядя – ехали на аптекарские огороды, проводить там инспекцию. И так увлеклись разговором, что, поворачивая из проулка на Евпловку, не сразу заметили, что ты бежал нам навстречу. Повозкой управлял дядя, и вдруг в отблеске солнечных лучей я вижу тебя. Я вскрикнул, но было поздно, ты поскользнулся, обо что-то ударился и упал. Счастье, что дядя быстро поднял коня на дыбы.

– Так вот почему до меня доносилась немецкая речь, когда я терял сознание? – спросил Петр и оценивающе посмотрел на юного аптекаря.

– Да, мы разговаривали по-немецки. Когда ты еще моргал глазами, я как раз спрашивал дядю, не повреждена ли у тебя голова.

Грегори еще раз потряс Петра за плечи, но теперь тот не пытался увернуться и ответил Грегори крепким рукопожатием.

– К сожалению, я должен вернуться, – виновато проговорил Грегори, – нужно присутствовать при обсуждении распределения. Встретимся позже. Очень рад тебя видеть. – Грегори махнул рукой и возвратился к группе учителей.

Староста Кирилл, который был свидетелем этого странного для него разговора, с неподдельным любопытством спросил Петра:

– А что с тобой вчера такого произошло, что немец так о тебе озаботился?

– Да так, поскользнулся и упал под их лошадь, – уклоняясь от подробностей, ответил Петр.

Помнишь, я тебе говорил о немчине, ученике аптекаря, что во второй аптеке обучается?

– И что? – спросил Петр.

– Так вот этот немчин и есть тот алхимист-аптекарь, что готовит для нас все лекарства, которыми мы и лечим раненых на Рязанском подворье.

– Да? – удивился Петр и пристально посмотрел вслед иноземцу.

Глава девятая. Ученики-стрельцы

В зале слышался приглушенный говор стрельцов и треск сальных свечей. Петр мечтательно разглядывал учебный зал, останавливая взор то на снопах лекарственных трав, то на шкафах с образцами приготовленных из этих трав снадобий. Неожиданно среди стрельцов прозвучал взрыв смеха. Петр улыбнулся и вопросительно взглянул на Кирилла:

– Интересно, над чем они так весело смеются? – Он попытался прислушаться к их разговору.

Рассказчик и так говорил негромко, а нависшие над ним стрельцы, вообще заглушили его голос, поэтому Петр не мог расслышать ни слова. Он поднялся, и подошел ближе.

– Будьте все здравы! – кланяясь в пояс, произнес Петр и сел на скамью рядом со стрельцами.

– И ты буде здоров, парень, – мельком взглянув на подошедшего к ним Петра, откликнулись несколько стрельцов и тут же отвернулись, чтобы слушать своего товарища дальше.

Стрелец, бурно жестикулируя, вспоминал какую-то очень смешную историю о Чигиринском походе. Петр тоже стал слушать рыжеволосого бородатого здоровяка.

– Так вот, – говорил рыжий, – этот новичок не то от страха, не то от того, что чей-то съел, а може, просто так трусил... Но пока мы после обеда все почивали, этот засранец обгадил всю поляну вокруг. Я проснулся от того, что мне стало смрадно дышать. Встал я, глянул вокруг – мать честная, обложил сволочь со всех сторон, ступить некуда. Это ж надо так нагадить, что даже к пушке ни с какой стороны подойти нельзя, чтобы не испачкать не то что сапоги – порты дерьмом запачкать можно. Десятский подскочил, саблю выхватил, весь в говне, видать, поскользнулся где-то, орет матерно: где этот вражина, кто такое учудил, зарублю мерзавца... Замахал саблей да чуть опять не упал. Сказали ему, что новобранец, мол, трусит маненько... Где ты, кричит он, видишь «маненько», вся поляна плывет, турки и те меньше вреда за все время осады причинили, чем этот новобранец. Хорошо еще, что только один такой. Выгнать вон из лагеря! Немедля! Приказ есть приказ, открыли солдаты потайной лаз под стеной, подвели новобранца к туннелю, крикнули ему: «Иди-ка ты, засранец, к туркам и трави лучше басурман». И вытолкнув его из крепости, завалили лаз обратно. Кругом турки сидят в осаде, а этот засранец, оставляя за собой немалые следы, добрался-таки до леса и просидел там до окончания осады. А когда басурмане отошли, то он той же дорогой, сволочь, вернулся. Вот такие, братцы, чудеса бывали у нас под Чигирином...

Стрельцы от души посмеялись и стали громко и наперебой вспоминать каждый свою историю из недавно закончившейся войны.

Петра так же рассмешил случай с новобранцем, а так как сам он никакой байки не знал, то и участия в общем разговоре не принимал. Другие стрелецкие истории не вызвали у Петра такого же интереса, как предыдущая, и его мысли постепенно перенеслись в пещеру, к щенкам. «Как они там? – думал он. – Наверное, мазь уменьшила боль в лапах и теперь они весело играют друг с другом».

– А ты кто будешь-то, парень? – В общем шуме Петр услышал чей-то вопрос, но не обратил на него внимания и продолжал думать о своем.

– Эй, ты, долговязый, тебя спрашивают! – Петр почувствовал сильный толчок в бок, так что от неожиданности ойкнул и обернулся. Он увидел колючий и пронзительный взгляд широко расставленных глаз, смотревших на него в упор. Это был тот самый стрелец, который рассказывал историю про новобранца. Ему на вид было около тридцати лет. Широкое крестьянское лицо украшала пышная, растопыренная в разные стороны рыжеватая, но местами уже с проседью борода. На голове возвышалась шапка таких же нечесаных ярко рыжих волос. Одет он был в поношенный светло-синий кафтан, и желтые сапоги. Он с прищуром смотрел

на Петра и при этом одной рукой, согнутой в локте, упирался о стол, а другой, захватывая в горсть свою бороду, ритмично ее поглаживая.

Ты че, контуженый али как? Те задали вопрос, а на вопрос надо отвечать, понятно? – И он наклонился еще ближе к Петру.

– Так ты кто?

– Постников я, Петр, – смутившись, назвалса он, – определен сюда в обучение на лекаря.

– Как, как тебя зовут? – притворяясь, что не расслышал, переспросил рыжий стрелец.

– Петр Постников.

– Постников? – опять переспросил тот и, немного откинувшись назад, проговорил: – Слышь-ка, паря, а не о тебе ли вчера у нас в Земском приказе Митька Шестопал, ярыжка наш земской, сказывал историю одну, будто на Евпловке вчера перед заутреней конь иноземной повозки одного боярского отрока до смерти затоптал.

Петр напрягся, и его брови непроизвольно нахмурились. Он не ожидал, что слухи о вчерашнем происшествии так быстро распространятся.

– Да, это история со мной случилась, – подтвердил Петр.

– А как же так? – с недоумением продолжал стрелец и, ухмыльнувшись, посмотрел на товарищей. – Ты вроде как, по слухам, до смерти затоптанный конем был, а ноне здесь пред нами во всей своей красе сидишь. Чудно. Можя, ты точно контуженый чуток? Тогда, чур меня чур! – И стрелец замахал на Петра руками, как на нечистую силу, и разразился залиvistым смехом, показывая свои кривые, желтые, но крепкие зубы. Товарищи поддержали его дружным хохотом.

– Вот только врет твой ярыжка, – с обидой в голосе проговорил Петр, – никакой я не боярский сын, а сын дьяка. И никакая лошадь меня до смерти не затаптывала! Просто я поскользнулся, ударился головой о хомут и потерял сознание. А иноземные доктора помогли мне подняться... Вот только шишка от ушиба на голове и осталась, – и Петр всем показал вздутие кожи на лбу. – Так что никакая лошадь меня не затаптывала, – повторил он.

– Ну, значит, не совсем контуженый. Если бы был сын боярский, то точно был бы контуженый, а раз дьяков сын, то наполовину. – И он опять весело засмеялся тем грубоватым смехом, каким может смеяться только мужик из сермяжного сословия.

– А как ты, сын дьяка, попал к нам школу? – с любопытством спросил молодой, похожий на казачка, безбородый стрелец.

– По милости государя.

– Выходит, и тебя, как и нас, по царскому указу силком заставили учиться? – изумился он.

– Почему силком? – в свою очередь удивился Петр. – Нет! Я сам попросился, я давно хотел изучать медицину. Да и тятенька мне посоветовал идти в лекарскую школу, чтобы стать доктором.

– Кем ты сказал стать – доктором?! – вытаращив на Петра глаза, сказал рыжий стрелец. Остальные с не меньшим изумлением посмотрели на Петра.

Слово «доктор» в то время применялось исключительно к иноземным специалистам и означало высшую ступень в медицинской иерархии.

– А где, скажи на милость, у нас учат на доктора? – с некоторой издевкой поинтересовался рыжий здоровяк. – Уж не у этого ли жидовина, который перед нашим носом целый год махал свиной костью, говоря, что это кость отрубленной ноги вора Стеньки Разина...

– У нас на доктора нигде не учат, – произнес с видом большого знатока до того сидевший молча юный попик Кирилл. – На доктора учат только в Европе.

Все повернулись к нему.

– Там для этого есть университеты и профессора, которые и обучают школяров разным наукам – юридическим, богословским и лекарским, – сказал Кирилл как человек, знающий,

о чем говорит. Несмотря на юный возраст Кирилла ему верили и не сомневались в его осведомленности.

– В Европе! – с придыханием произнес один из стрельцов, и в его голосе почувствовалось неподдельное удивление.

– А как се папатают в энту Эвропу, стопы на тохтура утица, – прошепелявил, как будто жевал кашу, хилый, лет тринадцати, а может и меньше, совсем еще мелкий паренек. Это был, видимо, стрелецкий сын, у которого передние верхние и нижние зубы отсутствовали, отчего понять его было совсем трудно.

– Это кто еще тут в Европу захотел? – насмешливо проговорил рыжий и, подойдя к юнцу, посмотрел на него в упор, как бы показывая тем самым, что он его едва видит. – Ты кто таков?

– Я Никитка Лыков, сын стрельца Артамона, – съезжившись под злым взглядом рыжего, ответил мальчик.

– Гляньте-ка, братцы, на эту шепелявую козявку, в Эвропу захотел – на дохтура «утица»! – передразнивая паренька, сказал стрелец. – Ты сам-то себя слышал, таракан безусый, что ты произнес? Куды тебе шепелявому в Европу, в Европе и своих беззубых хватает, зачем им еще и московские? Ты лучше скажи, где зубы-то потерял, поди о мамкину титьку обломал, или бабка Марфа на полатах тебе их повыпердила? – Раздался взрыв смеха. – А ну-ка, малец, раззявь свою пасть! Но-но, еще кочевряжишься, а ну покажь, сколько у тебя зубков-то осталось? – И он, смеясь, просунул свой толстый палец в рот мальчишки.

Паренек от неожиданности замотал головой и стал смешно со свистом отплеиваться. Чем опять вызвал дружный смех стрельцов. Затем, вывернувшись, он закрыл рот руками и покраснел, на глаза у него навернулись слезы.

– Гляньте-ка на него, нежный какой, покраснел, как боярыня на выданье.

– «Утица на дохтура хочу», – передразнив еще раз мальчика, хмыкнул стрелец. – Ты хирургические инструменты и те волоком тащишь к доктору, вша ты не причесанная. – И стрелец ткнул пацана пальцем в лоб. – Какая тебе Европа? Ты приставлен к лечебным палатам на Рязанском подворье говно из-под стрельцов таскать, вот и таскай. – Стрелец сжал ладонь в мощный кулак и прислонил его ко лбу мальчишки. – Стукнуть бы тебя по балде, такая бы там Европа завертелась, что света белого неувидел бы. – Он отвернулся, сплюнул на пол и забарабанил толстыми пальцами по дощатому столу. После этой, уже не смешной, тирады наступило неловкое молчание.

– Глянь, что деится! – закричал молодой, с белобрысой бородкой стрелец, указывая пальцем на быстро движущийся серый комок. – Мышь! И как шустро бежит-то. Интересно, куды она бежит?

Этот возглас разрядил напряжение, и все охотно приняли участие в обсуждении.

– К конопле, куды ж еще, – пробасил крупный, похожий на медведя стрелец.

Действительно, крупная мышь, с оглядками перемещалась по полу вдоль стены к сухому толстому снопу конопли, который почему-то висел не кроной вниз, как все образцы трав, а стеблями. Пеньковая веревка, которой был перевязан сноп, была такая длинная, что эти стебли практически стояли на полу. Казалось, мышь не бежит, а парит над поверхностью пола: ее толстое тело было настолько грузным, что под ним не было видно движения лап. Мгновение, и мышь, хоть и с трудом раздвинув острой мордочкой жесткие конопляные стебли, протиснула внутрь связки свое грузное тело. Сноп зашевелился и как будто ожил. Сухие стебли по мере продвижения мыши пощелкивали и потрескивали, а колосья наверху, словно от ветра, плавно заколыхались.

– Наверное, бедняга заболела, лечиться пошла, – предположил кто-то из стрельцов, имея в виду лечебные свойства конопли. Он хихикнул собственной шутке.

А что ты думаешь, – подхватил чернобровый, – мыши, как и люди, тоже болеют. Можь, у нее заклад (запор) али голова болит? Вот коноплянки пожует и излечится.

– Може, и так, – поддержали его несколько стрельцов.

– И представьте, лечиться будет без челобитной и безденежно! – добавил еще один, чем вызвал одобрительные возгласы товарищей.

– Не, ребята, – снова встрял в разговор рыжий здоровяк. – Насчет головы – это вряд ли. Чему там болеть-то? Не голова, а прыщ. – Он показал фигу, в которой едва выступивший кончик большого пальца, изображал голову мыши. – А вот заклад – это может быть...

– А ты-то откуда знаешь, Григорий? – смеясь, засомневался кто-то.

– А вот откуда! – ответил бородатый и со значением поднял указательный палец вверх, как бы призывая всех послушать его версию. Он подобрал полы своего кафтана и уселся на скамье так, чтобы всем его было видно.

– Вы видали, какая у этой мыши жопа? Во! – И он ладонями показал размер превышающий объем большого пушечного ядра. – А видали, с каким трудом она эту жопу в куст затащила?

– Ну да, как мешок с горохом! – сказал кто-то, и грохнул дружный хохот. – Во-во, – подтвердил рыжий стрелец, – про горох ты правильно смекнул. – Смотрите, как перевязь на кусте напряглась, того и гляди лопнет. Теперь представьте себе, братцы, – стрелец сделал паузу, а остальные напрягли внимание, – сейчас она нажрётся семян конопли, потом в течение ночи получит послабление, а завтра в первом часу дня здесь будет такое... – Стрелец сморщился и двумя пальцами заткнул себе обе ноздри, – такое, – повторил он, – что кукуйцы, – тут он большим пальцем через плечо показал на группу немецких учителей, стоящих у стола, – сюда неделю не войдут. Мышка маленькая, а вони сделает на целый приказ. Вот тогда мы погуляем.

Стрельцы загудели, замахали руками, и от души захохотали, радуясь шутке.

Глава десятая. Разбор

Неожиданно дверь распахнулась, и в класс быстрым уверенным шагом вошел подтянутый, с гладко выбритым лицом, лет под пятьдесят на вид, человек. Одет он был, судя по всему, по последней европейской моде. Становой удобный полукафтан из тонкого плотного голландского сукна, скроенный по-немецким лекалам, сидел на нем как влитой. Узкие темно-синие порты, плотно облегал бедра и застегивались у колен золочеными пуговицами. Светлые чулки подчеркивали стройность ног и придавали их владельцу щеголеватый вид. На нем были короткие башмаки с высокими каблуками и крупными медными пряжками. Голову украшал темно-коричневый парик с крупными буклями, падавшими на плечи. В руках он держал толстую пачку бумаги, перевязанную крест-накрест нитью. Суховатое и изрезанное неглубокими морщинами лицо казалось жестким, а пристальный, сверлящий взгляд был убедительнее любого слова. Поэтому, когда он вошел и окинул таким взглядом присутствующих, общий гомон в зале быстро стих.

– Кто это? – спросил Петр сидящего рядом Кирилла.

– Наш ректор, – шепотом ответил тот, – глава лекарской школы Аптекарского приказа, лейб-медик царя нашего государя Федора Алексеевича, доктор Лаврентий Блюментрост.

Ректор подошел к своим коллегам и поприветствовал их.

– «Guten Tag!» – услышал Петр его сдержанное приветствие. Затем он вполголоса начал о чем-то наставительно говорить докторам, от чего лица их то хмурились, то становились задумчивыми. Петр пристально смотрел на ректора, пытаясь сквозь гул, исходящий от разговаривающих, хоть и тихо между собой стрельцов, услышать, что-то из того, о чем говорил ректор.

– Ты чего так напрягся? – поинтересовался староста.

– Хочу понять, что он им говорит.

– А ты что, даже с такого расстояния можешь что-нибудь разобрать?

– Да! Нас специально обучали разбирать слова при любом шуме не только на слух, но и по губам. Тятенька сказывал, что толмач, переводчик или посланец Посольского приказа должен, кроме знания языков, уметь слышать шепот на расстоянии, оставаясь незамеченным. Поэтому и считается служба в Посольском приказе опасной.

– Ну и как, что-нибудь разобрал?

– Отдельные обрывки. Он говорит о каких-то раненых из-под Чигирина. – Петр вопросительно взглянул на Кирилла. – Сердится из-за дежурного... Мол, боярин Одоевский был очень зол... смертию, кажется, грозил... Но кому, не могу разобрать, стрельцы сильно шумят.

– Что-то случилось на подворье, – предположил Кирилл.

– Может быть... Петр тут же хотел о чем-то еще спросить старосту, но в этот момент доктор Блюментрост повернулся к стрельцам, и Кирилл, подняв руку, остановил его:

– Тс! Давай послушаем, что скажет ректор....

– Хочу с вами поделиться результатами сегодняшнего осмотра лечебных палат на Рязанском подворье, – холодно и без приветствия сказал ректор и сделал короткую паузу.

В зале усилилось шушуканье.

– Но перед тем как рассказать вам подробно о нашей инспекции, – ректор возвысил голос, как бы призывая стрельцов к тишине, – хочу напомнить вам, а кто забыл, рекомендую прочитать повторно, с чего начиналось ваше обучение. Вы помните, что в начале вашей учебы в лекарской школе аптекарь Яган Гутменш читал вам главы из книги «Гражданство обычаев детских». Так вот, в этой книге расписаны все правила поведения ученика в школе и дома. Одна из ее глав посвящена гигиене собственного тела. В ней говорится, что вы, пробудившись ото сна, должны совершить утреннюю молитву, затем умывание и сменить вечернюю одежду... А теперь о главном. На лекциях доктор Келлерман рассказывал вам, что

больных и раненых стрельцов лечить только одним снадобьем недостаточно. Для того чтобы лечение стало полезным, тело больного или раненого, так же как и ваше, всегда должно содержаться в чистоте. Но многие стрельцы из-за болезни или ранений не в состоянии собственными силами поддерживать чистоту своего тела, поэтому им требуется помощь. Именно по этой причине в бытность царем великого князя Алексея Михайловича и были устроены лечебные палаты во многих монастырях и подворьях. И эту помощь должны оказывать назначенные из учащихся нашей школы дежурные. Сегодня в первом часу дня, – продолжал доктор Блюментрост, – глава Аптекарского приказа боярин Василий Федорович Одоевский и его помощник думный дьяк Андрей Андреевич Виниус по государеву указу проводили инспекционный осмотр лечебных палат на Рязанском подворье.

В зале стало тихо, стрельцы с неподдельным интересом прислушивались к тому, о чем говорил ректор.

– Вы знаете, но я повторяю для тех, кто забыл, – возвысил голос Блюментрост, – что по распоряжению главы Аптекарского приказа Василия Федоровича Одоевского каждый ученик лекарской школы раз в два месяца должен в течение недели круглосуточно дежурить в лечебных палатах и в Новой аптеке. – Блюментрост сделал паузу. В зале по-прежнему стояла напряженная тишина, слышалось только дыхание и нервное покашливание стрельцов. – Что же мы увидели сегодня, когда посетили лечебные палаты, где под попечительством школы Аптекарского приказа находятся больные и раненые? – Ректор строго посмотрел на учеников. – Дежурного подлекаря на месте нет, дежурный помощник подлекаря отсутствует. Палаты длительное время не проветривались, вошедшему с улицы человеку невозможно в них долго находиться, потому что ядовитый воздух режет глаза и отравляет горло. Шкуры, которыми укрываются больные, изъедены насекомыми и грызунами. Те, кто не может ходить, опорожняются под себя, в воздухе стоит смрад.

Доктор Блюментрост замолчал, а стрельцы зашептались между собой. Потом кто-то хмыкнул и не громко, но так, чтобы все услышали, произнес:

– Подумаешь, воздух плохой. Зашел бы он в церковь Николая Мокрого да понюхал бы, чем там пахнет.

– Особенно в праздники, – добавил кто-то, и стрельцы дружно хихикнули в кулаки.

Ректор Блюментрост никак не отреагировал на эти реплики и дал возможность ученикам переварить услышанную информацию, после чего строгим голосом продолжил:

– Случилось так, что, когда мы вошли в лечебные палаты, Андрей Андреевич в сумеречном свете увидел, что один из стрельцов лежит, отвернувшись к стене, и на нас не реагирует, проявляя тем самым непочтительность к знатым особам. А вы все знаете, что это считается проявлением оскорбления и виновный обычно строго наказывался. Андрей Андреевич подошел, отвернул овчину, которой тот стрелец был укрыт с головой, и хотел выговорить ему соответствующее недовольство, но тут же, закрыв рот рукой, стремглав выбежал на улицу, где его и вырвало. Боярин Василий Федорович так же не мог хоть сколько-нибудь находиться рядом и точно так же, не задерживаясь, вышел на воздух. Тогда я и мой коллега Яган Гутменш стали осматривать стрельца. Он оказался мертв! – Ректор сделал паузу, а затем продолжил: – На его сломанном бедре мы обнаружили большие язвенные дефекты. Нога была синюшна и раздута, как столб, кожа вокруг язв была зеленого цвета. Умерший стрелец лежал в огромной куче извергнутых его чревом полужидких, но уже наполовину застывших фекалий. Смерть стрельца, по мнению главного аптекаря Ягана Гутменша, наступила около двух дней назад. На это показывают сильно засохшие по краям фекалии и большое количество в раневых язвах червей, а также полностью опустевший мочевой пузырь. Как нам рассказали стрельцы, которые находились вместе с ним в палате, уже как неделю к ним никто не приходит, не перекладывает их настил, не убирает и не дает лечебное снадобье.

Доктор Блюментрост замолчал, ученики тоже притихли. Через минуту он проговорил:

– Василий Федорович был очень недоволен, что государевы ратники не имеют надлежащего ухода и лечения и находятся в условиях худших, чем грабители и воры в тюрьме. Он потребовал от меня учинить неотложный розыск нарушителей и отправить их на распрос к дьяку Винуусу.

Стрельцы взбудоражились, закашляли, задвигали скамьями и снова зашептались между собой.

– Староста! – воскликнул ректор и окинул взглядом сидевших перед ним учеников. – Где староста!? – нетерпеливо повторил он.

– Я здесь, – отозвался Кирилл и вяло, как показалось Петру, поднялся с последней скамьи. Кирилл был невысокого роста, и когда он встал, ректор, чтобы его увидеть, вытянул шею и стал его отыскивать взглядом по верх голов.

– Скажи нам староста, кто из учеников на прошлой неделе был назначен дежурным уборщиком в лечебные палаты на Рязанском подворье?

– Я точно не помню, – разглядывая затылки сидевших перед ним стрельцов, проговорил Кирилл. – Мне кажется... хотя нет, не помню, забыл. – Кирилл нахмурился и исподлобья посмотрел на доктора Блюментроста. Узнав от Петра, о чем примерно только что шептался ректор со своими коллегами, он понял, что по вине дежурного в лечебных палатах произошло что-то нехорошее и виновного непременно накажут, и Кирилл решил по возможности не называть его имени. Но старому хитрого доктора на мякине не проведешь.

Доктор Блюментрост сразу догадался, что староста пытается выгородить виновника, чтобы тот избежал наказания. И тогда Блюментрост перевел взгляд на стрельцов и медленно, задерживая его на каждом, проговорил:

– Я понимаю, что староста, не называя имени дежурного, хочет защитить его и не желает прослыть предателем в глазах своих товарищей. Но вы все как будущие лекари должны знать и понимать, что пульку из плоти лучше вынуть сразу, чем ждать, когда из раны начнется гное-течение и в ране появятся черви. – Блюментрост в очередной раз сделал паузу. – Поэтому виновному лучше самому сознаться и покаяться, ведь все равно мы его найдем. Так кто был де... – он хотел повторить вопрос, но не договорил. Из середины стрелецкой группы поднялся чернобровый, похожий на казачка парень в светло-зеленом кафтане, подпоясанном цветастым кушаком.

– Ну я был назначен дежурным помощником подлекаря на прошлой неделе. И что?

В его поведении чувствовалась некоторая нервозность и скованность, а голос звучал как-то нарочито грубо. Стрелец лихорадочно сдернул шапку с головы и в ожидании чего-то нехорошего исподлобья смотрел на ректора, скручивая и раскручивая шапку в руках.

– А вот и дежурный нашелся, – довольным голосом произнес доктор Блюментрост и посмотрел на Кирилла. При этом его хитровато-насмешливый взгляд говорил: «Ну что хотел слукавить, да вот не вышло!» И после некоторой паузы, повернувшись к стрельцу, строго сказал:

– Как звать тебя?

– Данилко я, Яхонтов, – сухо ответил юноша. И затем с гордостью добавил: – Сын стрелецкий.

Он всем своим видом хотел показать товарищам, что вот он такой разбитной, никого не боится и презирает в лице ректора всех иноземцев. Но в том, как он мял трясущимися руками шапку, чувствовались обеспокоенность и волнение.

– Который год в школе? – спросил его Блюментрост.

– Второй пошел, – опять сухо и коротко ответил Данилко.

Доктор Блюментрост понял, что нарочитой грубостью и односложными ответами тот хочет показать свое презрение к нему как к иноземцу. Такое отношение со стороны простого люда и мелкопоместного дворянства каждый житель Немецкой слободы встречал на Руси

повсеместно. Народу не нравилось, что в их стране, в их городе живут люди чуждой им веры – и живут они в чистоте, благополучии и сытости. В то время как они, русские, живут впроголодь, едят ржаной хлеб вперемешку с лебедой, а мясо видят два-три раза в год, по большим церковным праздникам, – и то только жилы да кости. Ненависть у простых людей доходила иногда до рукоприкладства: подкараулят где-нибудь идущего в ночи иноземца, ударят дубьем по голове и ограбят. Но вскоре власти пресекли холопий произвол. Несколько дворовых и какого-то сына боярского поймали, пытали на дыбе и те сознались в убийстве голландского купца. Виновные публично были биты кнутом и сосланы на каторгу в Сибирь на вечные времена. С тех пор нападения прекратились, но ненависть осталась. Поэтому люди теперь остерегались поднимать на иноземцев руку, а выражали свой протест против них немым укором – презрением.

– Тебе известно, – продолжал спрашивать ректор, – что по твоей вине лечебные палаты Рязанского подворья за время, пока тебя не было, превратились в отхожее место и рассадник заразы?

Стрелец хмыкнул, покачал головой, а потом простодушно ответил:

– Чудно говоришь, учитель. Откуда же мне это может быть известно, если я там неделю не был. – И он оглянулся на товарищей, ожидая с их стороны сочувствия. Те в свою очередь ободряюще подмигивали ему и выражали солидарность гримасами, но активной поддержки не проявили.

– А кто же эти палаты превратил в отхожее место? – спросил стрелец, как показалось доктору Блюментросту, с издевкой, хотя и с видом непорочного агнца. И в его голосе прозвучало искреннее, неподдельное любопытство, как будто речь шла о фокусе с цветными лентами, которые по мере представления меняли свой цвет, а не о здоровье людей. Этот невинно-издевательский вопрос возмутил ректора, и он зло спросил:

– Почему ты отсутствовал на дежурстве в лечебных палатах всю неделю?! – И его взгляд приобрел ледяной оттенок.

– Бате своему помогал, – резко ответил стрелец. – Он из Севска обоз гнал, так я этот обоз и охранял, лихих людей-то, сам знаешь, учитель, сколько на дороге. – Он сказал это без тени смущения, как будто охрана обоза была его главной и прямой обязанностью.

– А скажи мне, сын стрелецкий, – с расстановкой, смотря в упор на Данилу, спросил доктор Блюментрост, – когда год назад тебя по государеву указу определяли в обучение лекарскому делу ты, присягая на чиновней книге, что в Архангельском соборе в Кремле, в присутствии протопопа Федора с братией, клятву давал не пить, не бражничать, с воровскими людьми не знаться и у царского дела, – на этом слове доктор Блюментрост сделал акцент, – быть беспрестанно на месте и без государева указа службу не оставлять? А как поступил ты?

– Я не нарушал государева указа! – почти агрессивно выпалил казачок. – Я справно учил ботанику и хирургию. Был в полках при защите Чигирина, лечил раненых, вынимал пули из тела, ставил на раны примочки. Я знаю, как делать отвар. А говно убирать каждый день за больными и двory мести я не буду. Это дело холопье! А я не холоп, я сын стрелецкий. – Данила выпалил это одним махом, смолк и насутился, ожидая, что последует дальше.

Доктор Блюментрост сочувственно посмотрел на казачка, и его взгляд неожиданно смягчился.

– Я не ученик, и не лекарь, я доктор медицины и философии, – сказал он мягко, но в то же время решительно, а аптекарь Яган Гутменш – не садовник, а главный аптекарь Аптекарского приказа. Но нам пришлось в лечебных палатах при осмотре мертвого стрельца возиться именно в том, что ты не хотел убирать. Запомни... – воскликнул он, но тут же, окинув взглядом стрельцов, проговорил: – это, кстати, касается всех. Хочу сказать для тех, кто пройдет весь курс обучения и станет лекарем. Потому что не все из вас ими станут, многих вернут опять в полки нести стрелецкую службу, но на отдаленных рубежах государства. Но те, кто все-

таки закончит учебу, должны знать, что доктора, аптекари, а также лекари всегда имеют соприкосновение со всеми жидкостями и выделениями больного человека. И по тому, что больной из себя изверг, можно распознать недуг.

На лицах стрельцов отразилось удивление и недоумение. Они смотрели друг на друга и мимикой изображали непонимание.

– Так вот, сын стрелецкий, – ректор повернулся к Даниле, – не в моей воле прощать или наказывать за провинности. В этом разберется дьяк Аптекарского приказа. – В голосе ректора почувствовалась нотка грусти. – Мое дело учить. Судя по докладу старшего лекаря о том, как ты лечил раненых солдат на ратном поле, ты способный ученик и из тебя мог бы получиться неплохой лекарь. Мне очень жаль, что так с тобой вышло, но я не могу послушаться приказа боярина Одоевского, который потребовал выявить и наказать нарушителей. – Доктор Блюментрост повернулся к двери, некоторое время помолчал, а затем зычным голосом позвал: – Охрана! – На зов немедленно явился стрелец из полицейского отряда Стрелецкого приказа. – Подьячего с караулом ко мне, – строго приказал доктор.

Подьячий и караул не замедлили явиться.

– Отведешь ученика, – ректор кивком головы показал на Данилу, – на распрос к дьяку Винуису и вернешься. И вот еще что... – Он искоса взглянул на юношу и на секунду задумался. Подошел к столу, что-то написал на листе бумаги и, вернувшись, дал записку подьячему. – Передашь Андрею Андреевичу это письмо, – сказал он и еще раз с сожалением посмотрел на казачка.

По команде подьячего Аптекарского приказа, четыре крепких стрельца в красных длиннополых кафтанах с саблями на поясе и бердышами на плече увели Данилку, у которого в лице не осталось ни кровинки на распрос к дьяку.

Стрельцы, не ожидавшие такого поворота событий, зароптали, зашумукались, но никто не посмел открыто выступить с протестом.

– А куда его повели, как думаешь? – шепотом спросил Петр расстроенного Кирилла.

– Самое легкое, если взойдет на «козла» за нерадение в учении, – тихо сказал Кирилл. – Но неделю отсутствовать на службе – это серьезное нарушение царева указа. За это могут и кнут дать, и сослать куда-нибудь...

– Да неужто в этой школе такие строгости? – недоверчиво спросил Петр. – У нас в Посольском приказе тоже были наказания, ну, прогулял кто-то, подрался, за ошибки в тексте – пороли розгами, реже – плеткой... Но кнутом – такого не бывало.

– О-о, в Аптекарском приказе наказаний много! – безнадежно махнув рукой, сказал Кирилл. – Возьми хотя бы недавний случай. Как только закончилась война с басурманами и был подписан Бахчисарайский договор о мире, двоих наших младших подлекарей, которые работали в полках на заставе, как только они вернулись из-под Чигирина, сразу взяли под караул и отвели на распрос к дьяку Винуису. Как, почему, за что – никто ничего не знает. Только потом стало известно, что кто-то донес на стрельцов, будто они вместо того чтобы лечить и перевязывать раненых, грабили их, словно им было все равно, свой это или басурманин. Так вот, за татьбу на войне сослали обоих на южные московские рубежи, а перед этим им всю спину кнутом иссекли да по левому уху отрезали. Подьячий сказывал, мол, направили их на вечное поселение, на строительство Изюмской черты, что в Белгородском воеводстве. Там, говорит, они и наказание будут отбывать, и пользу государю приносить. А оттуда живым редко кто возвращается.

– Ты как будто жалеешь их? – сказал Петр, удивленный интонацией сочувствия, прозвучавшей в словах Кирилла. – Они же воровством занимались, за это и наказаны.

– Это верно, но все равно жалко, я их помню, хорошие были товарищи.

– А если бы одним из этих стрельцов, которых они грабили, был ты или, например, твой близкий родственник, ты бы их тоже жалел?

– Тогда бы и я, наверное, рассуждал, как ты, – с горечью в голосе проговорил Кирилл, – но раз этого не случилось, все равно жалко их.

Наступило напряженное молчание. Петр как знаток дипломатических приемов при затянувшихся паузах быстро перевел мысли старосты в другое русло:

– А что это такое «Изюмская черта?»

– О... это новая пограничная... – Кирилл не успел закончить фразу, как вновь прозвучал голос доктора Блюментроста:

– Староста!

Кирилл от неожиданности вздрогнул и вопросительно посмотрел на ректора.

– Иди сюда, – позвал тот. Но Кирилл медлил. Ректор, видя, что староста не торопится, подбодрил его:

– Иди, иди, отсюда тебе будет лучше видно твоих товарищей.

Кирилл медленно вышел на середину зала и встал рядом с ректором. Все ученики в упор смотрели на него и ожидали, что будет дальше.

– Теперь тебе всех учеников хорошо видно. Посмотри на них и скажи, кто тот ученик, который был назначен в эту неделю младшим подлекарем на дежурство в лечебные палаты и который должен был раздавать больным лечебное снадобье, промывать раны и перевязывать их?

Кирилл поднял голову и стал медленно разглядывать напряженно-испуганные лица стрельцов. Он прекрасно знал, кто дежурил на этой неделе. Тот стрелец сидел прямо перед ним, на второй скамье в середине. Он тупо смотрел на стол и ковырял толстым ногтем указательного пальца выступающий над поверхностью стола жесткий сучок. Кирилл понимал, что ректор прав и нарушитель должен понести заслуженное наказание, но внутреннее неприязнь к требованию иноземца заставляло его противиться, и он упорно отмалчивался. В момент этого немого противостояния входная дверь раскрылась, и в зал вошли четверо стрельцов. Это были те же стрельцы из полицейского отряда, которые только что увели молодого казачка. Они встали с обеих сторон двери и, опершись спиной о стену, стали ждать приказаний. Среди учеников пробежал глухой ропот, некоторые заерзали, закурили головами, бросая ненавидящие взгляды на своих коллег, стоявших у дверей, другие перешептывались и злобно смотрели на иноземных докторов-учителей. Ректор еще некоторое время выдерживал паузу, затем взглянул на взволнованные лица стрельцов и перевел взгляд на Кирилла.

– Староста, так тебе известно имя того ученика, который был назначен дежурным подлекарем? – спросил он снова, после того как волнение в зале немного улеглось. – Я понимаю, списка назначенных дежурных нет, но, как известно, у Андрея Андреевича Виниуса имеются специальные люди, которые развязывают любые языки.

Кирилл побледнел, глаза его расширились, и он с испугом оглянулся на ректора. Но ему не пришлось называть имя стрельца.

Из среднего ряда, что находилась прямо напротив Кирилла, лениво, всем своим видом выказывая презрение иноземному доктору, поднялся уже знакомый читателю крепкий как дуб стрелец с нечесаной рыжей бородой. Поправляя полу задравшегося кафтана, он, не скрывая неприязни, сказал:

– Ну я был назначен младшим подлекарем, и чо? пробасил рыжий.

– Вот и еще один дежурный нашелся, – удовлетворенно сказал доктор Блюментрост. – Как звать тебя, православный? – Ректор жестом показал Кириллу, что тот может сесть на место.

– Ну, Гришка я, сын Васьки Башкина. И чо дальше? – Он смачно сплюнул на пол и с ухмылкой посмотрел на присутствующих. Но ни одной улыбки не появилось на настороженных лицах. Все ждали, чем закончится этот распрос.

– Кирилл, – шепотом спросил Петр, когда староста вернулся и снова сел на свое место, – а этот-то рыжий здоровяк, он-то чего натворил?

– Сам не знаю, – потухшим голосом ответил староста. – Послушаем, что ректор скажет. Тем временем доктор Блюментрост продолжал спрашивать стрельца:

– С какого дня в обучении в лекарской школе?

– С января пошел второй год, – отвечал рыжий, не понимая, зачем ректор чинит ему такой расспрос.

– Грамоту, до того как в школу пришел, знал?

– Псалтирь читал, – ответил Григорий.

– Латынь разумеешь? – последовал следующий вопрос.

Стрелец наклонил голову, сгримасничал и стеснительно проговорил:

– Не борзо, но буквы разбираю, да и вообще, не язык это, а каверза одна.

– Значит, на эту неделю ты был назначен дежурным по раздаче лекарского снадобья и ухода за ранеными стрельцами, так?

Блюментрост пылливо сверлил здоровяка глазами.

– Ну так! Знамо, что я, а я и не отрицаю, – грубо ответил Григорий и вопросительно посмотрел на товарищей, как бы ища у них поддержки: «И чо он ко мне привязался?»

– А тебе известно, – продолжал свой расспрос ректор, – что по приказу главы Аптекарского приказа боярина Никиты Ивановича Одоевского в лечебных палатах день и ночь должен находиться дежурный подлекарь для дачи больным нутрянными болезнями лечебного снадобья, а также, чтобы раненым, покалеченным, и обожженным делать примочки на раны и перевязывать их? – Ректор выдержал непродолжительную паузу – только для того, чтобы вся информация могла дойти до сознания стрельца. Затем продолжал: – Ты был назначен дежурным, но тебя не было в палатах всю неделю. Почему? Чем ты можешь оправдать свое отсутствие, почему раненые всю неделю не имели ни ежедневных промываний, ни перевязок и положенных им царской милостью бесплатных лечебных снадобий?

Все движения и шорохи в зале стихли. Пауза была недолгой, но Петру показалась она вечностью. Стрелец Григорий застыл в раздумье, на его массивных скулах, прикрытых нечесаной бородой, перекатывались желваки, злые глаза судорожно бегали, а правая рука нервно скоблила жесткими ногтями левую ладонь.

– Отвечай, стрелец Григорий. Оправдывайся! – торопил его Блюментрост.

Перестав чесать ладонь, Григорий запустил в копну рыжих волос огромную пятерню и смущенно проговорил:

– Все мази, пластыри и всякие настойки, которые противу гноя и которые алхимист Васька Шилов получает из Новой аптеки, у него закончились. Вот я и ждал дома, когда он новые травы приготовит, чтобы я смог отнести их в кокторий и алхимист-аптекарь приготовил бы из них мне новое снадобье.

– Вот как? – удивился доктор Блюментрост. – Какие же травы закончились у алхимиста Шилова? Назови мне их латинские названия. – Блюментрост в упор смотрел на стрельца.

– Забыл я, как они называются, – отворачиваясь от пронзительного взгляда доктора, смущенно ответил стрелец, продолжая чесать голову.

– Если ты забыл названия, то какие же травы ты собирался отнести в кокторий Новой аптеки, чтобы алхимист-аптекарь приготовил тебе нужное снадобье? Как же ты вообще собирался лечить своих товарищей, если не помнишь, из каких трав готовится лекарство противу гноя?!

Григорий вдруг насупился, глаза его засверкали гневом, он встrepенулcя, расправил в сажень свои плечи и, дернув головой, с сарказмом проговорил:

– Товарищей?! Это кто же, Данилка-то Кикин, десятский с кривой рожей мне товарищ? – И он ногтями правой руки поскреб левую щеку с такой силой, что на всех рядах был слышан скрип волос, проскальзывающих между ногтями и подушечками пальцев. – Хорош товарищ!

А то, что он, сучье отродье, еще до войны с басурманами на Кремлевском торгу воровством и подлогом промышлял и десятки невинных душ загубил... за это его надо было лечить.

Стрелец встал, оперся о стол обеими руками и зло, в упор смотря на доктора Блюментроста, проговорил:

– Моей женке Марфутке, царствие ей небесное, – Гришка повернулся в красный угол и трижды с поклоном перекрестился, – этот гад подсунил свою мошну с медяками и подал на нее ябеду в Земский приказ, что, мол, женка Васьки Башкина Марфутка на торгу у него мошну с серебром украла. Тут же бабу забрали на расспрос в приказ. Обыскали – ничего не нашли, послали человека в лавку на торг. Там под доской завернутая в тряпицу лежала мошна собаки Кикина с медными копейками. А когда посыльный вернулся в приказ, показать, что мошна Кикина с медяками никуда не пропала, Марфутку уже изломали на дыбе напрочь, так и кончилась жонка прямо там без покаяния. И я этого аспида должен считать своим товарищем, да еще лечить его, лекарство ему давать?! – злобно выкрикнул стрелец. – Да благодарение Господу, что этот изверг издох, сволочь!

Григорий шумно сел и, отвернувшись к стене, стал монотонно стучать по столу костяшками пальцев.

Пауза была короткой. Петр даже услышал треск сальной свечи, стоявшей от него на значительном расстоянии. Доктор Блюментрост выпрямился, слегка тряхнул головой, отчего букли его заколыхались и, понизив голос, сказал:

– Мне искренне жаль твою жену, стрелец Григорий, но свои усобные отношения решай у себя дома, а не переноси их на школу! Сюда ты направлен по указу нашего батюшки царя Федора Алексеевича и должен честно и без лукавства выполнять возложенные на тебя обязанности. И лечить ты должен того, кого тебе прикажут, – после чего, жестко добавил, – а что касается «забыл, как называются травы», то ты хитришь, стрелец. Как можно забыть то, чего не знаешь, и это показала практика под Чигирином. Ты и еще несколько учеников после окончания первого года обучения были направлены в полки для лечения раненых и увечных стрельцов. И как вы оказывали помощь раненым? – При этих словах Блюментрост впился в стрельца глазами. – Два подлекаря за татьбу и воровство в полках были сосланы на южные рубежи Московского государства. Ты же, как мне донесли, не смог прочитать ни одного написанного на склянках латинским шрифтом названия. В итоге дал стрельцу, у которого болел живот, вместо лекарственного настоя выпить примочку корневища айра и дудника, которая применяется для промывки гнойных ран. Не мудрено, что стрелец через некоторое время умер. Отчего он умер, никто не знал, но ты, испугавшись ответственности, бросил сумку с хирургическими инструментами, выданную тебе Аптекарским приказом, и сбежал на войну. Тебя нашли и вернули в школу. Но батоги, видимо, тебе не пошли впрок, и ты пошел бражничать. Вчера я и алхимист-аптекарь Готфрид Грегори провели инспекцию на аптекарском огороде у Мясницких ворот. Как нам сказал алхимист Шилов, у него в складском сарае, где расположена главная поварня, на полках лежат несколько мешков высушенного растительного сырья, приготовленного для отправки на переработку в кокторий Новой аптеки. На каждом мешке латинским языком было написано и название растения, из которого это сырье было приготовлено, и твое имя. Ты должен был прийти, взять мешки и отнести в кокторий, где из него готовили бы пластыри и настои противу гноя. Но так как ты латинский шрифт читать не можешь, ты не отнес сырье, а вместо этого, все дни проводил в кабаке на Никольском крестце. Тебя там видели и донесли. Это уже третий случай, когда ты нарушаешь царский указ и причиняешь убыток царской казне.

– Какой такой убыток казне я причиняю? – возмутился было Григорий, но голос его прозвучал сдавлено и глухо, а глаза тревожно забегали. Подсознательно он чувствовал, что обвинения ректора справедливы, и знал, что все, что сказал ректор, правда. Но ненависть к иноземцам возбуждала мозг к сопротивлению.

– Первый раз, когда под Чигирином ты бросил выданную тебе Аптекарским приказом сумку с хирургическими инструментами и отказался выполнять возложенные на тебя царем обязанности, а именно лечить своих товарищей. Второй убыток: за целый год обучения в школе ты получал жалование, которое потратил, но не оправдал. И третий раз: твое бражничество. Я считаю тебя неспособным к обучению. Поэтому глава Аптекарского приказа боярин Никита Иванович Одоевский сегодня примет решение, что с тобой делать. А пока ты предстанешь перед дьяком Винусом.

Доктор Блюментрост сделал жест рукой, и четыре стрельца подошли к Григорию и встали от него по обе стороны. Тут же подскочил подьячий, вынул из-за пояса приготовленный лист бумаги и, разложив его на колене, внес в него имя стрельца Башкина.

– Связать ему руки, – скомандовал подьячий, закончив писать.

Стрельцы приготовили веревку и попытались заломить Григорию руки.

– Отринь! – взревел тот и легко скинул двух стрельцов, повисших на нем. – Не бойсь, не сбегу! Сам пойду!

Тогда двое стрельцов взяли Григория под локти, каждый со своей стороны, а двое других распределились – один спереди, другой сзади – и повели арестованного к двери. Перед самым выходом из зала Григорий остановился, повернулся к товарищам и, не устаивая взглядом доктора Блюментроста, проговорил:

– Братцы, не поминайте лихом. Был я добрым воякой, порубал на своем веку немало басурман под Азовом и Астраханью, побродил по Дону в поисках вора Стеньки Разина. Но по воле государя нашего великого князя Федора Алексеевича призван был сюда иноземное лекарское дело изучать. Скажу вам как на духу: не любо мне это учение, не по вкусу мне перо и бумага и их латинские ереси. Бердыш и пищаль – вот мои талисманы! А лекарь я взаправду никакой, поэтому и не шло у меня учение. Простите родимые, если кого попусту обидел.

Он трижды поклонился своим товарищам в пояс, перекрестился и, повернувшись к подьячему, грубо проговорил:

– Ну, веди меня, слизь чернильная!

На глаза молодых стрельцов навернулись слезы, те, кто постарше, с сожалением смотрели на Григория и осеняли его крестным знамением.

– Ну, хватит выступать, – сказал подьячий и подал сигнал стрельцам, которые в толчки вышибли Гришку за дверь.

Глава одиннадцатая. Распределение

После того как дверь за рыжим стрельцом закрылась, стрельцы притихли, были слышны только шорохи, шепот да ерзание по лавкам. Все поняли, что ни рыжего весельчака, ни красивого казачка они больше не увидят. Многие считали виновником всего происшедшего именно ректора Блюментроста и за это мысленно призывали на его голову, а заодно и на головы всех остальных иноземных докторов страшные кары, которые обязательно их постигнут. В недалеком будущем эти угрозы для некоторых иноземцев оказались пророческими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.